

Фаина
РАНЕВСКАЯ

Случаи Шутки Афоризмы

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Фаина Георгиевна Раневская прожила долго — 88 лет (родилась в 1896, а умерла в 1984 году). Актриса, способная заменить собой всю труппу; философ с сигаркой, скандальная особа, язвительная дама с толстым голосом, страшно одинокая и ранимая душа...Гремучая смесь!

Она никогда не стесняла себя в выражениях. Многие полагали, будто Раневская придумывала шутки, афоризмы, которые потом разлетались по Москве и двигались дальше. На самом деле Фаине Георгиевне незачем было что-то сочинять. Ее остроумие сродни рефлексу — оно непроизвольное.

Этот сборник включил в себя афоризмы, шутки, анекдоты, житейские истории, автор или главная героиня которых — Ф. Г. Раневская. Немало историй уже было опубликовано — прежде всего в вышедшей в «Захарове» одновременно с этим сборником большой книге А. В. Щеглова «Раневская. Фрагменты жизни». Еще больше впервые появляется только здесь. При этом, кроме очевидных случаев, вопрос об авторстве решен не окончательно. Почему? Потому что удачные беспризорные шутки часто приписывали Раневской. Причем гораздо чаще, чем, например, ее друзьям — известным шутникам Ростиславу Плятту или Рине Зеленой.

Для дотошных — анекдот. Двое спорят о том, кто произнес фразу, ставшую крылатой — Пушкин или Лермонтов. Устав препираться, спорщики решили: «Тебе это сказал Пушкин, а мне — Лермонтов».

Составитель и издатель благодарят Фаину Георгиевну Раневскую и ее «эрзац-внука» Алексея Валентиновича Щеглова, Анну Ахматову, Веру Марецкую и Рину Зеленую, Виктора и Михаила Ардовых, Юрия Борева и Иосифа Раскина, Илью Вайсфельда, Василия Катаняна, Зиновия Паперного, Бенедикта Сарнова, Бориса Филиппова и Валентина Школьникова, а также М. Путинковского и Е. Ямпольскую, М. Райкину и Д. Щеглова, Т. Г. Ничипорович, Г. П. Лобарева и Н. М. Панфилову.

Еще мне незаслуженно приписывают заимствования из таких авторов как Марк Твен, Бернард Шоу, Тристан Бернар, Константин Мелихан и даже Эзоп и Аристотель. Мне это, конечно, лестно, и я их поэтому тоже благодарю, особенно Аристотеля и Эзопа.

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ, ИЛИ ОПЫТ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

«Душа — не жопа, высрать не может».
(Шаяпин в передаче Раневской)

Раневская выносила жестокие определения другим. Определения, смахивающие на решение судебных инстанций. Но не щадила и себя.

Настоящая фамилия Раневской — Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я — дочь небогатого нефтепромышленника...»
Дальше дело не пошло.

В архиве Раневской осталась такая запись:

«Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо — не хочется. Хорошо — неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания — это богатство старости».

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из друзей своего отца.

Тот ей сказал:

— Дать дочери Фельдмана мало — я не могу. А много — у меня уже нет...

— Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

— Белую лисицу, ставшую грязной, я самостоятельно выкрасила чернилами.

Высушив, решила украсить ею туалет, набросив лису на шею. Платье на мне было розовое, с претензией на элегантность. Когда я начала кокетливо беседовать с партнером в комедии «Глухонемой» (партнером моим был актер Ечменев), он, увидев черную шею, чуть не потерял сознание. Лисица на мне непрерывно линяла. Публика веселилась при виде моей черной шеи, а с премьершей театра, сидевшей в ложе, бывшим моим педагогом, случилось нечто вроде истерики... (это была П. Л. Вульф). И это был второй повод для меня уйти со сцены.

— Знаете, — вспоминала через полвека Раневская, — когда я увидела этого лысого на броневику, то поняла: нас ждут большие неприятности.

О своей жизни Фаина Георгиевна говорила:

— Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга — «Судьба — шлюха».

— В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

Как я завидую безмозглым!

— Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...

— Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

— Я — выкидыш Станиславского.

— Я провинциальная актриса. Где я только ни служила! Только в городе Вездесранске не служила!..

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь.

— Фаина, — сказал Эйзенштейн, — ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставлять людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась. Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула:

— Лучше я буду продавать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!

Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклоняюсь, в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрята стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

— Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

— Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

Раневская вспоминала:

— Ахматова мне говорила: «Вы великая актриса». И тут же добавляла: «Ну да, я великая артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа».

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

— Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

— Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

— Но ведь так нельзя жить, Фаина.

— А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

— Господи! У вас даже окно не открывается...

— По барышне говядина, по дерьму черепок...

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

— Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

— Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная...

— Как вы живете? — спросила как-то Ия Саввина Раневскую.

— Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, — ответила Фаина Георгиевна.

— Фаина Георгиевна, как ваши дела?

— Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью — повидло.

— Как жизнь, Фаина Георгиевна?

— Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

— Жизнь — это затяжной прыжок из п...зды в могилу.

— Жизнь — это небольшая прогулка перед вечным сном.

— Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

— Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

— Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

— Почему вы не пишете мемуаров?

— Жизнь отнимает у меня столько времени, что писать о ней совсем некогда.

Раневская на вопрос, как она себя сегодня чувствует, ответила:

— Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула...

— Паспорт человека — это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать, а паспорт лишь напоминает, что ты можешь жить, как восемнадцатилетняя.

Раневская говорила:

— Старость — это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Господи, уже все ушли, а я все живу. Бирман — и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

«Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П. Л. (Павлой Леонтьевной Вульф).

Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки...» 48-й год, 30 мая.

(Из записной книжки народной артистки.)

Раневская с негодованием заявляет: — Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

— Старая харя не стала моей трагедией — в 22 года я уже гримировалась старухой, и привыкла, и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!» Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в старости».

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки... Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

— Одиноко. Смертная тоска. Мне 81 год...

Сию в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне домик за городом и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник — домашний клозет.

— Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

— Старость, — говорила Раневская, — это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

— Старость, это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

Раневская сказала Зиновию Паперному:

— Молодой человек! Я ведь еще помню порядочных людей... Боже, какая я старая!

— Воспоминания — это богатства старости.

— Успех — единственный непростительный грех по отношению к своему близкому.

- Спутник славы — одиночество.
- Одиночество как состояние не поддается лечению.
- Когда у попрыгуньи болят ноги, она прыгает сидя.
- Оптимизм — это недостаток информации.

Подводя итоги, Раневская говорила: — Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо...

- У меня хватило ума прожить жизнь глупо.
- Жизнь моя... Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра.
- Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй.
- Ничего кроме отчаянья от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

Глава II

Коллеги, или Творческая коммуналка

«Мне попадают не лица, а личное оскорбление!»
Раневская

Раневская жила в большой коммуналке — в мире искусства — так, как лишь и можно там выжить: ворча, огрызаясь, руками и ногами вцепившись в дверь собственной комнатки.

«Для меня всегда было загадкой — как великие актеры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком. Как бы растолковать, бездари: никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Понятна моя мысль неглубокая?»

(Раневская, из зап. книжки)

Раневская говорила:

— Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все, как у людей.

— Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно.

— Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не рождался. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

О новой актрисе, принятой в театр «Моссовета»:

— И что только ни делает с человеком природа!

— У нее не лицо, а копыто, — говорила об одной актрисе Раневская.

— Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, — говорила она о другой.

Главный художник «Моссовета» Александр Васильев характеризовался Раневской так: «Человек с укусным голосом».

О коллегах-артистах:

— У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

— У него голос — будто в цинковое ведро ссыт.

Об одном режиссере:

— Он умрет от расширения фантазии.

— Пипи в трамвае — все, что он сделал в искусстве.

Раневская о проходящей даме: «Такая задница называется «жопа-игрунья».

А о другой: «С такой жопой надо сидеть дома!»

Обсуждая только что умершую подругу-актрису: — Хотелось бы мне иметь ее ноги — у нее были прелестные ноги! Жалко — теперь пропадут...

Однажды Раневская участвовала в заседании приемной комиссии в театральном институте. Час, два, три...

Последней абитуриентке, в качестве дополнительного вопроса, достается задание:

— Девушка, изобразите нам что-нибудь очень эротическое, с крутым обломом в конце...

Через секунду приемная комиссия слышит нежный стон:

— А... аа... ааа... Аа-а-а-пчхи!!!

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

— Тот слепой, которому ты подала монетку, не притвора, он действительно не видит.

— Почему ты так решила?

— Он же сказал тебе: «Спасибо, красотка!»

Встречаются Раневская и Марлен Дитрих.

— Скажите, — спрашивает Раневская, — вот почему вы все такие худенькие да стройненькие, а мы — большие и толстые?

— Просто диета у нас особенная: утром — кекс, вечером — секс.

— Ну, а если не помогает?

— Тогда мучное исключить.

— Критикессы — амазонки в климаксе.

— Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство, что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой.

— Деляги, авантюристы и всякие мелкие жулики пера! Торгуют душой, как пуговицами.

Режиссера Варпаховского предупреждали: будьте бдительны. Будьте настороже. Раневская скажет вам, что родилась в недрах МХАТа.

— Очень хорошо, я и сам так считаю.

— Да, но после этого добавит, что вас бы не взяли во МХАТ даже гардеробщиком.

— С какой стати?

— Этого не знает никто. Она все может сказать.

— Я тоже кое-что могу.

— Не делайте ей замечаний.

— Как, вообще?!

— Говорите, что мечтаете о точном психологическом рисунке.

— И все?

— Все. Впрочем, этого тоже не говорите.

— Но так же нельзя работать!

— Будьте бдительны.

Варпаховский начал издавека. Причем в буквальном смысле: на некотором расстоянии от театра. Репетиции происходили наедине с Раневской, на одной из скамеек Сретенского бульвара. Ей это показалось забавным: заодно и воздухом можно дышать.

— Фаина Георгиевна, произносите текст таким образом, чтобы на вас не обращались.

— Это ваше режиссерское кредо?

— Да, пока оно таково.

— Не изменяйте ему как можно дольше. Очень мило с вашей стороны иметь такое приятное кредо. Сегодня дивная погода. Весной у меня обычно болит жопа, ой, простите, я хотела сказать спинной хрэбэт, но теперь я чувствую себя как институтка после экзамена... Посмотрите, собака! Пси́на моя бедная! Ее, наверно, бросили! Иди ко мне, иди...погладьте ее немедленно. Иначе я не смогу репетировать. Это мое актерское кредо. Пусть она думает, что ее любят.

Знаете, почему у меня не сложилась личная жизнь и карьера? Потому что меня никто не любил. Если тебя не любят, нельзя ни репетировать, ни жить. Погладьте еще, пожалуйста...

Когда перебрались в театр и отвлекаться стало не на что, Раневская взяла свое. Она репетировала только с теми актерами, с которыми хотела. Ее соби́рался бить один из артистов, которому она сделала грубое замечание насчет несвоевременного выхода, — реплику Раневская действительно подала очень тихо.

— А вы говорите громче, тогда я услышу, — сказал бедняга, и без того уязвленный эпизодической ролью санитаря, которую вынужден был исполнять.

— Что?! Кто это?! Я впервые вижу вас в театре. Это рабочий сцены? Я не работаю с любителями! Скажите, чтобы меня немедленно заменили.

Ее, конечно, никто не соби́рался менять.

Это она отменяла мизансцены, переставляла отдельные фразы, куски текста и даже мебель на сцене и за кулисами. Внезапно ее раздражил огромный диван, на котором в перерыве отдыхали актеры, и она приказала его уничтожить.

Узнавший об этом Михаил Погоржельский пришел в ярость и выговорил Раневской многое из того, что думал по этому и другим поводам. Обескураженная открытым

и справедливым напором, Раневская промолчала и через несколько минут перестала вдруг слышать реплики, подаваемые Погоржельским по ходу репетиции.

Постоянными придирками она довела до слез Ию Саввину. Потом звонила с извинениями, которые потрясли величественной откровенностью: «Я так одинока, все друзья мои умерли, вся моя жизнь — работа... Я вдруг позавидовала вам. Позавидовала той легкости, с какой вы работаете, и на мгновение возненавидела вас. А я работаю трудно, меня преследует страх перед сценой, будущей публикой, даже перед партнерами. Я не капризничаю, девочка, я боюсь. Это не от гордыни. Не провала, не неуспеха я боюсь, а — как вам объяснить? — это ведь моя жизнь, и как страшно неправильно распорядиться ею».

Терпели все. Терпели все, потому что видели, что могло получиться из этого хаоса, сора, скандала и склок.

Как и ожидалось, то и дело возникала мхатовская тематика.

— Вы очень торопитесь, — говорила она Варпаховскому, — у вас, наверно, много работы на стороне, как теперь принято выражаться. Вы халтурщик, а я мхатовка, могу репетировать с утра до ночи. Я вас возненавижу, бедный!

С ужасом ждали появления декораций. И не напрасно.

— Где первый ряд?

— Вот он, Фаина Георгиевна.

— Этого не будет!

— Но почему?

— Я убегу, я боюсь публики. Я вам аплодирую, но я не буду играть. Если бы у меня было лицо, как у Тарасовой... У меня ужасный нос... Макет великолепный, фантазия богатая, рояль надо купить коричневый... — говоря это, Фаина Георгиевна отодвигала стулья метра на два в глубину сцены.

— Скажите Фаине Георгиевне, — обращался Варпаховский к помощнику режиссера Нелли Молчадской, — скажите ей, пусть выходит вот так, как есть, с зачесанными волосами, с хвостом.

Он все еще имел наивность думать, что кто-то способен влиять на Раневскую.

Памятуя советы осторожных, он тщательно подбирал слова после прогона:

— Все, что вы делаете, изумительно, Фаина Георгиевна. Буквально одно замечание.

Во втором акте есть место, — я попросил бы, если вы, разумеется, согласитесь...

Следовала нижайшая просьба.

Вечером звонок Раневской:

— Нелочка, дайте мне слово, что будете говорить со мной искренне.

— Даю слово, Фаина Георгиевна.

— Скажите мне, я не самая паршивая актриса?

— Господи, Фаина Георгиевна, о чем вы говорите! Вы удивительная! Вы прекрасно репетируете.

— Да? Тогда ответьте мне: как я могу работать с режиссером, который сказал, что я говно?!

Кино — заведение босяцкое.

О своих работах в кино: «Деньги съедены, а позор остался».

— Сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность.

— Получаю письма: «Помогите стать актером». Отвечаю: «Бог поможет!»

— Когда мне не дают роли, чувствую себя пианисткой, которой отрубили руки.

Глава III

ИСКУССТВО, ИЛИ МЕССА В БАРДАКЕ

— Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, — требует капризная молодая актриса.

— Все будет настоящим, — успокаивает ее Раневская. — Все: и жемчуг в первом действии, и яд — в последнем.

Раневская всю жизнь мечтала о настоящей роли. Говорила, что научилась играть только в старости. Все годы копила умение видеть и отражать, понимать и чувствовать, но чем тверже овладевала грустной наукой существования, тем очевиднее становилась невозможность полной самореализации на сцене. Оказалось, нет для нее ни Роли, ни Режиссера. Роль не придумали. Режиссер не родился.

Увидев исполнение актрисой X. роли узбекской девушки в спектакле Кахара в филиале «Моссовета» на Пушкинской улице, Раневская воскликнула: «Не могу, когда шлюха корчит из себя невинность».

Раневская хотела попасть в труппу Художественного театра.

Качалов устроил встречу с Немировичем-Данченко. Волнуясь, она вошла в кабинет. Владимир Иванович начал беседу — он еще не видел Раневскую на сцене, но о ней хорошо говорят. Надо подумать — не войти ли ей в труппу театра. Раневская вскочила, стала кланяться, благодарить и, волнуясь, забыла имя и отчество мэтра: «Я так тронута, дорогой Василий Степанович!» — холодея произнесла она. «Он как-то странно посмотрел на меня, — рассказывает Раневская, — и я выбежала из кабинета, не простившись». Рассказала в слезах все Качалову. Он растерялся — но опять пошел к Немировичу с просьбой принять Раневскую вторично. «Нет, Василий Иванович, — сказал Немирович, — и не просите; она, извините, ненормальная. Я ее боюсь».

Однажды, посмотрев на Галину Сергееву, исполнительницу роли «Пышки», и оценив ее глубокое декольте, Раневская своим дивным басом сказала, к восторгу Михаила Ромма, режиссера фильма: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух груди».

Осенью 1942 года Эйзенштейн просил утвердить Раневскую на роль Ефросиньи в фильме «Иван Грозный». Министр кинематографии Большаков решительно воспротивился и в письме секретарю ЦК ВКП(б) Щербакову написал:

«Семитские черты Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах».

В разговоре Василий Катанян сказал Раневской, что смотрел «Гамлета» у Охлопкова.

— А как Бабанова в Офелии? — спросила Фаина Георгиевна.

— Очень интересна. Красива, пластична, голосок прежний...

— Ну, вы, видно, добрый человек. Мне говорили, что это болонка в климаксе, — съязвила Раневская.

Охлопков репетировал спектакль с Раневской. Она на сцене, а он в зале, за режиссерским столиком. Охлопков: «Фанечка, будьте добры, станьте чуть левее, на два

шага. Так, а теперь чуть вперед на шагок». И вдруг требовательно закричал: «Выше, выше, пожалуйста!» Раневская поднялась на носки, вытянула шею, как могла. «Нет, нет, — закричал Охлопков, — мало! Еще выше надо!» «Куда выше, — возмутилась Раневская, — я же не птичка, взлететь не могу!»

«Что вы, Фанечка, — удивился Охлопков, — это я не вас: за вашей спиной монтировщики флажки вешают!»

— Приходите, я покажу вам фотографии неизвестных народных артистов СССР, — зазывала к себе Раневская.

— Фаина Георгиевна! Галя Волчек поставила «Вишневый сад».

— Боже мой, какой ужас! Она продаст его в первом действии.

— У Юрского течка на профессию режиссера. Хотя актер он замечательный.

«...Ну и лица мне попадаются, не лица, а личное оскорбление! В театр вхожу как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!

...Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире.

«...Перестала думать о публике и сразу потеряла стыд. А может быть, в буквальном смысле «потеряла стыд» — ничего о себе не знаю.

...С упоением била бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полуниссенки, терплю и буду терпеть до конца дней.

Терплю даже Завадского».

(Из записной книжки.)

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Завадскому это надоело, и он попросил актеров о том, чтобы, если Раневская еще раз опоздает, просто ее не замечать.

Вбегает, запыхавшись, на репетицию Фаина Георгиевна:

— Здравствуйте!

Все молчат.

— Здравствуйте!

Никто не обращает внимания. Она в третий раз:

— Здравствуйте!

Опять та же реакция.

— Ах, нет никого?! Тогда пойду поссу.

— Доктор, в последнее время я очень озабочена своими умственными способностями, — жалуется Раневская психиатру.

— А в чем дело? Каковы симптомы?

— Очень тревожные: все, что говорит Завадский, кажется мне разумным...

— Нонна, а что, артист Н. умер?

— Умер.

— То-то я смотрю, он в гробу лежит...

- Ох, вы знаете, у Завадского такое горе!
- Какое горе?
- Он умер.

Раневская забыла фамилию актрисы, с которой должна была играть на сцене:

— Ну эта, как ее... Такая плечистая в задугу...

— Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же ее почти заново за автора переписали!

— А меня это устраивает. Я играю роль яиц: участвую, но не вхожу.

Узнав, что ее знакомые идут сегодня в театр посмотреть ее на сцене, Раневская пыталась их отговорить:

— Не стоит ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая... Но раз уж все равно идете, я вам советую уходить после второго акта.

— Почему после второго?

— После первого очень уж большая давка в гардеробе.

Говорят, что этот спектакль не имеет успеха у зрителей?

— Ну, это еще мягко сказано, — заметила Раневская. — Я вчера позвонила в кассу, и спросила, когда начало представления.

— И что?

— Мне ответили: «А когда вам будет удобно?»

— Я была вчера в театре, — рассказывала Раневская. — Актеры играли так плохо, особенно Дездемона, что когда Отелло душил ее, то публика очень долго аплодировала.

— Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, — похвастался Раневской Виктор Розов. — Люди у касс устроили форменное побоище!

— И как? Удалось им получить деньги обратно?

— Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы?

— Он находится слишком далеко от начала.

Как-то она сказала:

— Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

Вернувшись в гостиницу в первый день после приезда на гастроли в один провинциальный город, Раневская со смехом рассказывала, как услышала перед театром такую реплику аборигена: «Спектакль сегодня вечером, а они до сих пор не могут решить, что будут играть!»

И он показал на афишу, на которой было написано «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

Раневская повторяла:

«Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все-таки дадут интересную роль?»

Ей послали пьесу Жана Ануя «Ужин в Санлисе», где была маленькая роль старой актрисы. Вскоре Раневская позвонила Марине Нееловой:

«Представьте себе, что голодному человеку предложили монпансье. Вы меня поняли? Привет!»

В Театре имени Моссовета, где Раневская работала последние годы, у нее не прекращались споры с главным режиссером Юрием Завадским. И тут она давала волю своему острому языку.

Когда у Раневской спрашивали, почему она не ходит на беседы Завадского о профессии актера, Фаина Георгиевна отвечала:

— Я не люблю мессу в бардаке.

Во время репетиции Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался, накричал и выбежал из репетиционного зала, хлопнув дверью, с криком: «Пойду повешусь!» Все были подавлены. В тишине раздался спокойный голос Раневской: «Юрий Александрович сейчас вернется. В это время он ходит в туалет».

В «Шторме» Билль-Белоцерковского Раневская с удовольствием играла «спекулянтку». Это был сочиненный ею текст — автор разрешил. После сцены Раневской — овация, и публика сразу уходила. «Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, а Завадский ее «спекулянтку» из спектакля убрал. Раневская спросила у него: «Почему?» Завадский ответил: «Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля...»

Раневская предложила: «Если нужно для дела, я буду играть свою роль хуже».

Однажды Завадский закричал Раневской из зала: «Фаина, вы своими выходками сожрали весь мой замысел!» «То-то у меня чувство, как будто наелась говна», — достаточно громко пробурчала Фаина. «Вон из театра!» — крикнул мэтр. Раневская, подойдя к авансцене, ответила ему: «Вон из искусства!!»

Отзывчивость не была сильной стороной натуры Завадского. А долго притворяться он не хотел. Когда на гастролях у Раневской случился однажды сердечный приступ, Завадский лично повез ее в больницу. Ждал, пока снимут спазм, сделают уколы.

На обратном пути спросил: «Что они сказали, Фаина?»

— «Что-что — грудная жаба».

Завадский огорчился, воскликнул: «Какой ужас — грудная жаба!»

И через минуту, залюбовавшись пейзажем за окном машины, стал напевать:

«Грудная жаба, грудная жаба».

Раневская говорила:

— Завадский простудится только на моих похоронах.

— Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям. У него нет только звания «Мать — героиня».

— Завадскому снится, что он похоронен на Красной площади.

— Завадский родился не в рубашке, а в енотовой шубе.

Раневская называла Завадского маразматиком-затейником, уцененным Мейерхольдом, перпетуум кобеле.

Как-то она и прочие актеры ждали прихода на репетицию Завадского, который только что к своему юбилею получил звание Героя Социалистического Труда.

После томительного ожидания режиссера Раневская громко произнесла:

— Ну, где же наша Гертруда?

Раневская вообще была любительницей сокращений. Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали представителя райкома — даму очень средних лет, Заслуженного работника культуры. Раневская, все это время не уходившая со сцены в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

— Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

Творческие поиски Завадского аттестовались Раневской не иначе как «капризы беременной кенгуру».

Делая скорбную мину, Раневская замечала:

— В семье не без режиссера.

Раневская говорила начинающему композитору, сочинившему колыбельную:

— Уважаемый, даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки...

Как-то раз Раневскую остановил в Доме актера один поэт, занимающий руководящий пост в Союзе писателей.

— Здравствуйте, Фаина Георгиевна! Как ваши дела?

— Очень хорошо, что вы спросили. Хоть кому-то интересно, как я живу!

Давайте отойдем в сторонку, и я вам с удовольствием обо всем расскажу.

— Нет-нет, извините, но я очень спешу. Мне, знаете ли, надо еще на заседание...

— Но вам же интересно, как я живу! Что же вы сразу убегаете, вы послушайте. Тем более что я вас не задержу надолго, минут сорок, не больше.

Руководящий поэт начал спасаться бегством.

— Зачем же тогда спрашивать, как я живу?! — крикнула ему вслед Раневская.

За исполнение произведений на эстраде и в театре писатели и композиторы получают авторские отчисления с кассового сбора.

Раневская как-то сказала по этому поводу:

— А драматурги неплохо устроились — получают отчисления от каждого спектакля своих пьес! Больше ведь никто ничего подобного не получает.

Возьмите, например, архитектора Рерберга. По его проекту построено в Москве здание Центрального телеграфа на Тверской. Даже доска висит с надписью, что здание это воздвигнуто по проекту Ивана Ивановича Рерберга. Однако же ему не платят отчисления за телеграммы, которые подаются в его доме!

— Берите пример с меня, — сказала как-то Раневской одна солистка Большого театра. — Я недавно застраховала свой голос на очень крупную сумму.

— Ну, и что же вы купили на эти деньги?

Раневская кочевала по театрам. Театральный критик Наталья Крымова спросила:

— Зачем все это, Фаина Георгиевна?

— Искала... — ответила Раневская.

— Что искали?

— Святое искусство.

- Нашли?
- Да.
- Где?
- В Третьяковской галерее...

ГЛАВА IV

ПОКЛОННИКИ, ИЛИ ПРАЗДНОБОЛТАЮЩИЕСЯ ГРУДИ

Ольга Аросева рассказывала, что, уже будучи в преклонном возрасте, Фаина Георгиевна шла по улице, поскользнулась и упала. Лежит на тротуаре и кричит своим неподражаемым голосом:

- Люди! Поднимите меня! Ведь народные артисты на улице не валяются!

Однажды Раневская сказала, разбирая ворох писем от поклонников: «Разве они любят меня?» Зрители, аплодировавшие великой артистке, кричали «Браво!» высокой тетке с зычным голосом. Конечно, Фаина Георгиевна и не рассчитывала всерьез на любовь к себе. Но любовь тысяч и тысяч незнакомых, далеких, чужих — последняя соломинка одинокого человека.

Во время гастролей театра имени Моссовета в Одессе кассирша говорила:

- Когда Раневская идет по городу, вся Одесса делает ей апофеоз.

Поклонница просит домашний телефон Раневской. Она:

- Дорогая, откуда я его знаю? Я же сама себе никогда не звоню.

Валентин Маркович Школьников, директор-распорядитель Театра имени Моссовета, вспоминал:

«На гастролях в Одессе какая-то дама долго бежала за нами, потом спросила:

- Ой, вы — это она?

Раневская спокойно ответила своим басовитым голосом:

- Да, я — это она».

В Одессе, во время гастролей, одна пассажирка в автобусе протиснулась к Раневской, завладела ее рукой и торжественно заявила:

- Разрешите мысленно пожать вашу руку!

Как-то в скверике у дома к Раневской обратилась какая-то женщина:

- Извините, ваше лицо мне очень знакомо. Вы не артистка?

Раневская резко парировала:

- Ничего подобного, я зубной техник.

Женщина, однако, не успокоилась, разговор продолжался, зашла речь о возрасте, собеседница спросила Фаину Георгиевну;

- А сколько вам лет?

Раневская гордо и возмущенно ответила:

- Об этом знает вся страна!

Как-то Раневская, сняв телефонную трубку, услышала сильно надоевший ей голос кого-то из поклонников и заявила:

— Извините, не могу продолжать разговор. Я говорю из автомата, а здесь большая очередь.

После спектакля «Дальше — тишина» к Фаине Георгиевне подошел поклонник.

— Товарищ Раневская, простите, сколько вам лет?

— В субботу будет сто пятнадцать.

Он остолбенел:

— В такие годы и так играть!

В купе вагона назойливая попутчица пытается разговорить Раневскую,

— Позвольте же вам представиться. Я — Смирнова.

— А я — нет.

Брежнев, вручая в Кремле Раневской орден Ленина, выпалил:

— Муля! Не нервируй меня!

— Леонид Ильич, — обиженно сказала Раневская, — так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы.

Генсек смутился, покраснел и пролепетал, оправдываясь:

— Простите, но я вас очень люблю.

— Никто, кроме мертвых вождей, не хочет терпеть праздноболтающихся моих грудей, — жаловалась Раневская.

В Кремле устроили прием и пригласили на него много знатных и известных людей. Попала туда и Раневская. Предполагалось, что великая актриса будет смешить гостей, но ей самой этого не хотелось. Хозяин был разочарован:

— Мне кажется, товарищ Раневская, что даже самому большому в мире глупцу не удалось бы вас рассмешить.

— А вы попробуйте, — предложила Фаина Георгиевна.

После спектакля Раневская часто смотрела на цветы, корзину с письмами, открытками и записками, полными восхищения — подношения поклонников ее игры — и печально замечала:

— Как много любви, а в аптеку сходить некому.

ГЛАВА V ПОДНАЧКА, ИЛИ Я ИХ ТОЖЕ ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ

— Я не пью, я больше не курю и я никогда не изменяла мужу — потому еще, что у меня его никогда не было, — заявила Раневская, упреждая возможные вопросы журналиста.

— Так что же, — не отстает журналист, — значит у вас совсем нет никаких недостатков?

— В общем, нет, — скромно, но с достоинством ответила Раневская.

И после небольшой паузы добавила:

— Правда, у меня большая жопа и я иногда немножко привираю...

Раневская бывала порой замкнутой, порой — шумно-веселой, порой — благо-отно-добродушной. И всегда — непредсказуемой.

Если она хотела кому-то что-то сказать, то не отказывала себе в этом.

— Шкаф Любове Петровны Орловой так забит нарядами, — говорила Раневская, — что моль, живущая в нем, никак не может научиться летать!

Одной даме Раневская сказала, что та попрежнему молода и прекрасно выглядит.

— Я не могу ответить вам таким же комплиментом, — дерзко ответила та.

— А вы бы, как и я, соврали! — посоветовала Фаина Георгиевна.

В доме отдыха на прогулке приятельница проникновенно заявляет:

— Я обожаю природу.

Раневская останавливается, внимательно осматривает ее и говорит:

— И это после того, что она с тобой сделала?

Раневская подходит к актрисе N., мнившей себя неотразимой красавицей, и спрашивает:

— Вам никогда не говорили, что вы похожи на Брижит Бардо?

— Нет, никогда, — отвечает N., ожидая комплимента.

Раневская окидывает ее взглядом и с удовольствием заключает:

— И правильно, что не говорили.

Хозяйка дома показывает Раневской свою фотографию детских лет. На ней снята маленькая девочка на коленях пожилой женщины.

— Вот такой я была тридцать лет назад.

— А кто эта маленькая девочка? — с невинным видом спрашивает Фаина Георгиевна.

Даже любя человека, Раневская не могла удержаться от колкостей.

Досталось и Любове Орловой. Фаина Георгиевна рассказывала, вернее, разыгрывала миниатюры, на глазах превращаясь в элегантную красавицу — Любочку.

Любочка рассматривает свои новые кофейно-бежевые перчатки:

— Совершенно не тот оттенок! Опять придется лететь в Париж.

Еще «из Орловой».

— Ну что, в самом деле, Чаплин, Чаплин... Какой раз хочу посмотреть, во что одета его жена, а она опять в своем беременном платье! Поездка прошла совершенно впустую.

Раневская обедала как-то у одной дамы, столь экономной, что Фаина Георгиевна встала из-за стола совершенно голодной. Хозяйка любезно сказала ей:

— Прошу вас еще как-нибудь прийти ко мне отобедать.

— С удовольствием, — ответила Раневская, — хоть сейчас!

— Вы слышали, как не повезло писателю N.? — спросили у Раневской.

— Нет, а что с ним случилось?

— Он упал и сломал правую ногу.

— Действительно, не повезло. Чем же он теперь будет писать? — посочувствовала Фаина Георгиевна.

Журналист спрашивает у Раневской:

— Как вы считаете, в чем разница между умным человеком и дураком?

— Дело в том, молодой человек, что умный знает, в чем эта разница, но никогда об этом не спрашивает.

— Кем была ваша мать до замужества? — спросил у Раневской настырный интервьюер.

— У меня не было матери до ее замужества, — пресекла Фаина Георгиевна дальнейшие вопросы.

У Раневской спросили, любит ли она Рихарда Штрауса, и услышали в ответ:

— Как Рихарда я люблю Вагнера, а как Штрауса — Иоганна.

На одесском рынке мужчина продает попугая и индюка. Раневская:

— Сколько стоит ваш попугай?

— Тысячу рублей, ведь он говорящий, может сказать «ты дурак».

— А индюк?

— Десять тысяч.

— Почему так дорого?

— Самый умный. Он не говорит «ты дурак», но он так думает.

Рина Зеленая рассказывала:

— В санатории Раневская сидела за столом с каким-то занудой, который все время хаял еду. И суп холодный, и котлеты не соленые, и компот не сладкий. (Может, и вправду.) За завтраком он брезгливо говорил: «Ну что это за яйца? Смех один. Вот в детстве у моей мамочки, я помню, были яйца!»

— А вы не путаете ее с папочкой? — осведомилась Раневская.

На зарубежных гастролях коллега заходит вместе с Фаиной Георгиевной в кукольный магазин «Барби и Кен».

— Моя дочка обожает Барби. Я хотел бы купить ей какой-нибудь набор...

— У нас широчайший выбор, — говорит продавщица, — «Барби в деревне», «Барби на Гавайях», «Барби на горных лыжах», «Барби разведенная»...

— А какие цены?

— Все по 100 долларов, только «Барби разведенная» — двести.

— Почему так?

— Ну как же, — вмешивается Раневская. — У нее ко всему еще дом Кена, машина Кена, бассейн Кена...

Идущую по улице Раневскую толкнул какой-то человек, да еще и обругал грязными словами.

Фаина Георгиевна сказала ему:

— В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искоусает.

Приятельница сообщает Раневской:

— Я вчера была в гостях у N. и пела для них два часа...

Фаина Георгиевна прерывает ее возгласом:

— Так им и надо! Я их тоже терпеть не могу!

Раневскую о чем-то попросили и добавили:

— Вы ведь добрый человек, вы не откажете.

— Во мне два человека, — ответила Фаина Георгиевна. — Добрый не может отказать, а второй может. Сегодня как раз дежурит второй.

В переполненном автобусе, развозившем артистов после спектакля, раздался неприличный звук. Раневская наклонилась к уху соседа и шепотом, но так, чтобы все слышали, выдала:

— Чувствуете, голубчик? У кого-то открылось второе дыхание!

В театре.

— Извините, Фаина Георгиевна, но вы сели на мой веер!

— Что? То-то мне показалось, что снизу дует.

Артист «Моссовета» Николай Афонин жил рядом с Раневской. У него был «горбатый «Запорожец», и иногда Афонин подвозил Фаину Георгиевну из театра домой. Как-то в его «Запорожец» втиснулись сзади три человека, а впереди, рядом с Афониным, села Раневская. Подъезжая к своему дому, она спросила:

— К-Колечка, сколько стоит ваш автомобиль?

Афонин сказал:

— Две тысячи двести рублей, Фаина Георгиевна.

— Какое блядство со стороны правительства, — мрачно заключила Раневская, выбираясь из горбатого аппарата.

Раневская с подругой оказались в деревне.

— Смотри, какая красивая лошадь!

— Это не лошадь, а свинья!

— Да? А почему у нее рога?

Фаина Георгиевна Раневская однажды заметила Ваню Ильичу Мурадели:

— А ведь вы, Ваню, не композитор!

Мурадели обиделся:

— Это почему же я не композитор?

— Да потому, что у вас фамилия такая. Вместо «ми» у вас «му», вместо «ре» — «ра», вместо «до» — «де», а вместо «ля» — «ли». Вы же, Ваню, в ноты не попадаете.

Как-то начальник ТВ Лапин спросил:

— Когда же вы, Фаина Георгиевна, засниметесь для телевидения?

«После такого вопроса должны были бы последовать арест и расстрел», — говорила Раневская.

В другой раз Лапин спросил ее:

— В чем я увижу вас в следующий раз?

— В гробу, — предположила Раневская.

Литературовед Зильберштейн, долгие годы редактировавший «Литературное наследство», попросил как-то Раневскую написать воспоминания об Ахматовой.

— Ведь вы, наверное, ее часто вспоминаете, — спросил он.

— Ахматову я вспоминаю ежесекундно, — ответила Раневская, — но написать о себе воспоминания она мне не поручала.

А потом добавила: «Какая страшная жизнь ждет эту великую женщину после смерти — воспоминания друзей».

В больнице, увидев, что Раневская читает Цицерона, врач заметил:

— Не часто встретишь женщину, читающую Цицерона.

— Да и мужчину, читающего Цицерона, встретишь не часто, — парировала Фаина Георгиевна.

В театре им. Моссовета Охлопков ставил «Преступление и наказание».

Геннадью Бортникову как раз об эту пору выпало съездить во Францию и встретиться там с дочерью Достоевского. Как-то, обедая в буфете театра, он с восторгом рассказывал коллегам о встрече с дочерью, как эта дочь похожа на отца:

— Вы не поверите, друзья, абсолютное портретное сходство, ну просто одно лицо!

Сидевшая тут же Раневская подняла лицо от супа и как бы между прочим спросила:

— И с бородой?

Раневская стояла в своей грим-уборной совершенно голая. И курила. Вдруг к ней без стука вошел директор-распорядитель театра имени Моссовета Валентин Школьников. И ошарашенно замер. Фаина Георгиевна спокойно спросила:

— Вас не шокирует, что я курю?

Артисты театра послали Солженицыну (еще до его изгнания) поздравительную телеграмму. Живо обсуждали этот акт. У Раневской вырвалось:

— Какие вы смелые! А я послала ему письмо.

Известная актриса в истерике кричала на собрании труппы:

— Я знаю, вы только и ждете моей смерти, чтобы прийти и плюнуть на мою могилу!

Раневская толстым голосом заметила:

— Терпеть не могу стоять в очереди!

— Почему Бог создал женщин такими красивыми и такими глупыми? — спросили как-то Раневскую.

— Красивыми — чтобы их могли любить мужчины, а глупыми — чтобы они могли любить мужчин.

Раневская вспоминала, что в доме отдыха, где она недавно была, объявили конкурс на самый короткий рассказ. Тема — любовь, но есть четыре условия:

- 1) в рассказе должна быть упомянута королева;
- 2) упомянут Бог;
- 3) чтобы было немного секса;
- 4) присутствовала тайна.

Первую премию получил рассказ размером в одну фразу: «О, Боже, — воскликнула королева. — Я, кажется, беременна и неизвестно от кого!»

Режиссер театра имени Моссовета Андрей Житинкин вспоминает.

— Это было на репетиции последнего спектакля Фаины Георгиевны «Правда хорошо, а счастье лучше» по Островскому. Репетировали Раневская и Варвара Сошальская. Обе они были почтенного возраста: Сошальской — к восьмидесяти, а Раневской — за восемьдесят. Варвара была в плохом настроении: плохо спала, подскочило давление. В общем, ужасно. Раневская пошла в буфет, чтобы купить ей шоколадку или что-нибудь сладкое, дабы поднять подруге настроение.

Там ее внимание привлекла одна диковинная вещь, которую она раньше никогда не видела — здоровенные парниковые огурцы, впервые появившиеся в Москве посре-

ди зимы. Раневская, заинтригованная, купила огурец невообразимых размеров, положила в глубокий карман передника (она играла прислугу) и пошла на сцену.

В тот момент, когда она должна была подать барыне (Сошальской) какой-то предмет, она вытащила из кармана огурец и говорит:

— Вавочка (так в театре звали Сошальскую), я дарю тебе этот огурчик.

Та обрадовалась:

— Фуфочка, спасибо, спасибо тебе.

Раневская, уходя со сцены, вдруг повернулась, очень хитро подмигнула и продолжила фразу:

— Вавочка, я дарю тебе этот огурчик. Хочешь ешь его, хочешь — живи с ним.

Вере Марецкой присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Любя актрису и признавая ее заслуги в искусстве, Раневская тем не менее заметила:

— Чтобы мне получить это звание, надо сыграть Чапаева.

— Меня так хорошо принимали, — рассказывал Раневской вернувшийся с гастролей артист Н. — Я выступал на больших открытых площадках, и публика непрерывно мне рукоплескала!

— Вам просто повезло, — заметила Фаина Георгиевна. — На следующей неделе выступать было бы намного сложнее.

— Почему?

— Синоптики обещают похолодание, и будет намного меньше комаров.

Идет обсуждение пьесы. Все сидят.

Фаина Георгиевна, рассказывая что-то, встает, чтобы принести книгу, возвращается, продолжая говорить стоя. Сидящие слушают и вдруг:

— Проклятый девятнадцатый век, проклятое воспитание: не могу стоять, когда мужчины сидят, — как бы между прочим замечает Раневская.

— Дорогая, сегодня спала с незапертой дверью. А если бы кто-то вошел, — всполошилась приятельница Раневской, дама пенсионного возраста.

— Ну сколько можно обольщаться, — пресекла Фаина Георгиевна собеседницу.

— Почему женщины так много времени и средств уделяют внешнему виду, а не развитию интеллекта?

— Потому что слепых мужчин гораздо меньше, чем глупых.

ГЛАВА VI МУЛИ, ИЛИ ВЕСЕЛЬЕ В АДУ

Во время эвакуации Ахматова и Раневская часто гуляли по Ташкенту вместе. «Мы бродили по рынку, по старому городу, — вспоминала Раневская. За мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня». Это очень надоедало, мешало мне слушать Анну Андреевну. К тому же я остро ненавидела роль, которая принесла мне популярность. Я об этом сказала Ахматовой. «Не огорчайтесь, у каждого из нас есть свой Муля!» Я спросила: «Что у вас «Муля?» «Сжала руки под темной вуалью» — это мои «Мули», — сказала Анна Андреевна».

Раневская спешила увидеть смешное — и тем защититься от реальности. Можно сказать, что она умудрилась сотворить из собственной жизни комический «ужастик» и сыграть в нем лучшую свою роль.

Раневская рассказывала, что, когда Ахматова бранила ее, она огрызалась.

Тогда Ахматова говорила:

— Наша фирма — «Два петуха!»

— В эвакуации в Ташкенте Раневская взялась продать кусок кожи для обуви. Обычно такая операция легко проводится на толкучке. Но она направилась в комиссионный магазин, чтобы купля-продажа была легальной. Там кожу почему-то не приняли, а у выхода из магазина ее остановила какая-то женщина и предложила продать ей эту кожу из рук в руки. В самый момент совершения сделки появился милиционер — молодой узбек, — который немедленно повел незадачливую спекулянтку в отделение милиции. Повел по мостовой при всеобщем внимании прохожих:

— Он идет решительной, быстрой походкой, — рассказывала Раневская, — а я стараюсь поспеть за ним, попасть ему в ногу и делаю вид для собравшейся публики, что это просто мой хороший знакомый и я с ним беседую. Но вот беда: ничего не получается, — он не очень-то меня понимает, да и мне не о чем с ним говорить. И я стала оживленно, весело произносить тексты из прежних моих ролей, жестикулируя и пытаюсь сыграть непринужденную приятельскую беседу...

А толпа мальчишек да и взрослых любителей кино, сопровождая нас по тротуару, в упоении кричала: «Мулю повели! Смотрите, нашу Мулю ведут в милицию!» Они радовались, они смеялись. Я поняла: они меня ненавидят!

И заканчивала со свойственной ей гиперболизацией и трагическим изломом бровей:

— Это ужасно! Народ меня ненавидит!

Раневская передавала рассказ Ахматовой.

— В Пушкинский дом пришел бедно одетый старик и просил ему помочь, жаловался на нужду, а между тем, он имеет отношение к Пушкину. Сотрудники Пушкинского дома в экстазе кинулись к старику с вопросами, каким образом он связан с Александром Сергеевичем. Старик гордо объявил:

— Я являюсь праправнуком Булгарина.

В январе 1940 года Анна Андреевна Ахматова опубликовала теперь уже зацитированные до дыр великие строчки:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

И тогда же в сороковом году их должны были прочесть по радио. Но секретарь Ленинградского обкома по пропаганде товарищ Бедин написал на экземпляре стихотворения свою резолюцию: «Надо писать о полезных злаках, о ржи, о пшенице, а не о сорняках».

Раневская передавала рассказ Надежды Обуховой. Та получила письмо от ссыльного. Он писал: «Сейчас вбежал урка и крикнул: «Интеллигент, бежи скорей с барака. Надька жизни дает».

Это по радио передавали романсы в исполнении Обуховой.

В 1954 году советское правительство решило сделать большой подарок немецкому народу, возвратив ему его же собственные сокровища Дрезденской галереи, вывезенные во время войны как дорогой трофей.

Но правительство решило сделать и еще один красивый жест — спустя почти десять лет после победы показать эти сокровища своему народу.

В Москве люди сутками стояли в очереди в Пушкинский музей, чтобы посмотреть на картины великих мастеров, среди которых была «Сикстинская мадонна» Рафаэля.

Рассказывают, возле «Сикстинской мадонны» стоят две шикарно одетых дамы, и одна обращается к другой.

— Не понимаю, что все так сходят с ума и чего они в ней находят...

Случайно оказавшаяся рядом Фаина Георгиевна так на это отреагировала:

— Милочка! Эта дама столько веков восхищала человечество, что теперь она сама имеет право выбирать, на кого производить впечатление.

— А вы куда хотели бы попасть, Фаина Георгиевна, — в рай или ад? — спросили у Раневской.

— Конечно, рай предпочтительнее из-за климата, но веселее мне было бы в аду — из-за компании, — рассудила Фаина Георгиевна.

Некая энергичная поэтесса без комплексов предложила Раневской спекулятивное барахло: духи мытищинского разлива и искусственный половой член — «агрэгат из Парижа».

«Сказала, что покупала специально для меня. Трогательно. Я не приобрела, но родила экспромт:

Уезжая в тундру,
Продала доху.
И купила пундру
И фальшивый х...

Есть дамы, которые, представьте себе, этим пользуются. Что за мир? Сколько идиотов вокруг, как весело от них!»

У Раневской спросили: что для нее самое трудное?

— О, самое трудное я делаю до завтрака, — сообщила она.

— И что же это?

— Встаю с постели.

В Комарове, рядом с санаторием, где отдыхает Раневская, проходит железная дорога.

— Как отдыхаете, Фаина Георгиевна?

— Как Анна Каренина.

В другой раз, отвечая на вопрос, где отдыхает летом, Раневская объясняла:

— В Комарове — там еще железная дорога — в санатории имени Анны Карениной.

Раневская рассказывала, как они с группой артистов театра поехали в подшефный колхоз и зашли в правление представиться и пообщаться с народом.

Вошедший с ними председатель колхоза вдруг застеснялся шума, грязи и табачного дыма.

— Еб вашу мать! — заорал он, перекрывая другие голоса. — Во что вы превратили правление, еб вашу мать. У вас здесь знаете что?.. Бабы, выйдите! (Бабы вышли.) У вас здесь, если хотите, хаос!

Раневская со всеми своими домашними и огромным багажом приезжает на вокзал.

— Жалко, что мы не захватили пианино, — говорит Фаина Георгиевна.

— Неостроумно, — замечает кто-то из сопровождавших.

— Действительно неостроумно, — вздыхает Раневская. — Дело в том, что на пианино я оставила все билеты.

Раневская в замешательстве подходит к кассе, покупает билет в кино.

— Да ведь вы же купили у меня билет на этот сеанс пять минут назад, — удивляется кассир.

— Я знаю, — говорит Фаина Георгиевна. — Но у входа в кинозал какой-то болван взял и разорвал его.

Раневская ходит очень грустная, чем-то расстроена.

— У меня украли жемчужное ожерелье!

— Как оно выглядело?

— Как настоящее...

Фаина Георгиевна вернулась домой бледная, как смерть, и рассказала, что ехала от театра на такси.

— Я сразу поняла, что он лихач. Как он лавировал между машинами, увиливал от грузовиков, проскакивал прямо перед носом у прохожих! Но по-настоящему я испугалась уже потом. Когда мы приехали, он достал лупу, чтобы посмотреть на счетчик!

Как-то на гастролях Фаина Георгиевна зашла в местный музей и присела в кресло отдохнуть. К ней подошел смотритель и сделал замечание:

— Здесь сидеть нельзя, это кресло графа Суворова-Рымникского.

— Ну и что? Его ведь сейчас нет. А как придет, я встану.

Во время гастролей во Львове ночью, выйдя однажды на балкон гостиницы, Фаина Георгиевна с ужасом обнаружила светящиеся неоновыми буквами огромных размеров неприличное существительное на букву «е». Потрясенная ночными порядками любимого города, добропорядочно соблюдавшего моральный советский кодекс днем, Раневская уже не смогла заснуть и лишь на рассвете разглядела потухшую первую букву «М» на вывеске мебельного магазина, написанной по-украински: «Мебля».

— Фуфа, почему ты всегда подходишь к окну, когда я начинаю петь?

— Я не хочу, чтобы соседи подумали, будто я бью тебя!

Близким друзьям, которые ее посещали, Раневская иногда предлагала посмотреть на картину, которую она нарисовала. И показывала чистый лист.

— И что же здесь изображено? — интересуются зрители.

- Разве вы не видите? Это же переход евреев через Красное море.
- И где же здесь море?
- Оно уже позади.
- А где евреи?
- Они уже перешли через море.
- Где же тогда египтяне?
- А вот они-то скоро появятся! Ждите!

Когда Раневская получила новую квартиру, друзья перевезли ее немудрящее имущество, помогли расставить и разложить все по местам, и собрались уходить. Вдруг она заголосила:

— Боже мой, где мои похоронные принадлежности?! Куда вы положили мои похоронные принадлежности? Не уходите же, я потом сама ни за что не найду, я же старая, они могут понадобиться в любую минуту!

Все стали искать эти «похоронные принадлежности», не совсем понимая, что, собственно, следует искать. И вдруг Раневская радостно возгласила:

— Слава Богу, нашла!

И торжественно продемонстрировала всем коробочку со своими орденами и медалями.

Раневская приглашает в гости и предупреждает, что звонок не работает:

- Как придете, стучите ногами.
- Почему ногами, Фаина Георгиевна?
- Но вы же не с пустыми руками собираетесь приходить!

Перед Олимпиадой 80-го года в московскую торговлю поступила инструкция: быть особо вежливыми и ни в чем покупателям не отказывать. По этому поводу ходило много анекдотов. Вот один, весьма похожий на быль.

Заходит в магазин на Таганке мужчина и спрашивает:

- Мне бы перчатки...
- Вам какие? Кожаные, замшевые, шерстяные?
- Мне кожаные.
- А вам светлые или темные?
- Черные.
- Под пальто или под плащ?
- Под плащ.

— Хорошо... Принесите, пожалуйста, нам ваш плащ, и мы подберем перчатки нужного цвета и фасона.

Рядом стоит Раневская и все это слушает. Потом наклоняется к мужчине и театральным шепотом, так что слышит весь торговый зал, говорит:

— Не верьте, молодой человек! Я им уже и унитаза приволокла, и жопу показывала, а туалетной бумаги все равно нет!

— Что это у вас, Фаина Георгиевна, глаза воспалены?

— Вчера отправилась на премьеру, а передо мной уселась необычно крупная женщина. Пришлось весь спектакль смотреть через дырочку от сережки в ее ухе.

Алексей Щеглов, которого Раневская называла «эрзац-внуком», женился.

Перед визитом к Раневской его жену Татьяну предупредили:

— Танечка, только не возражайте Фаине Георгиевне!

Когда молодожены приехали к ней, Раневская долгим взглядом оглядела Таню и сказала:

— Танечка, вы одеты, как кардинал.

— Да, это так, — подтвердила Таня, помня наставления.

Вернувшись домой, Щегловы встретили бледную мать Алексея с убитым лицом. Раневская, пока они были в дороге, уже позвонила ей и сказала:

— Поздравляю, у тебя невестка — нахалка.

Однажды Раневская потребовала у Тани Щегловой — инженера по профессии — объяснить ей, почему железные корабли не тонут. Таня попыталась напомнить Раневской закон Архимеда.

— Что вы, дорогая, у меня была двойка, — отрешенно сетовала Фаина Георгиевна.

— Почему, когда вы садитесь в ванну, вода вытесняется и льется на пол? — наседала Таня.

— Потому что у меня большая жопа, — грустно отвечала Раневская.

Маша Голикова, внучатая племянница Любови Орловой, подрабатывала корреспондентом на радио.

После записи интервью она пришла к Фаине Георгиевне и сказала:

— Все хорошо, но в одном месте нужно переписать слово «феномен». Я проверила, современное звучание должно быть с ударением в середине слова — «феномен».

Раневская переписала весь кусок, но, дойдя до слова «феномен», заявила в микрофон:

— Феномен, феномен и еще раз феномен, а кто говорит «феномен», пусть идет в жопу.

Актер Малого театра Михаил Михайлович Новохижин некоторое время был ректором Театрального училища имени Щепкина.

Однажды звонит ему Раневская:

— Мишенька, милый мой, огромную просьбу к вам имею: к вам поступает мальчик, фамилия Малахов, обратите внимание, умоляю — очень талантливый, очень, очень. Личная просьба моя: не проглядите, дорогой мой, безумно талантливый мальчик.

Рекомендация Раневской дорого стоила — Новохижин обещал «лично проследить».

После прослушивания «гениального мальчика» Новохижин позвонил Раневской.

— Фаина Георгиевна, дорогая, видите ли, не знаю даже, как и сказать...

И тут же услышал крик Раневской:

— Что? Говно мальчишка? Гоните его в шею, Мишенька, гоните немедленно!

Боже мой, что я могу поделать: меня просят, никому не могу отказать!

14 апреля 1976 года. Множество людей столпилось в гримуборной Раневской, которую в связи с 80-летием наградили орденом Ленина.

— У меня такое чувство, что я голая моюсь в ванной и пришла экскурсия.

Александра Александровича Румнева, снимавшегося вместе с Раневской в сцене бала в фильме «Золушка», искусного графика и изысканного кавалера, Раневская называла «Последний котелок Москвы». Румнев, давний друг Фаины Георгиевны, часто приходил в ее полутемную комнату, они подолгу беседовали.

Он садился рядом и рисовал в своей тонкой, карандашной манере; часто засиживался допоздна. По меркам Лизы, домработницы Раневской, обстановка была интимная.

Однажды она выразила свой протест:

— Фаина Георгиевна, что же это такое? Ходить-ходить, на кровать садится, а предложения не делает?!

Однажды Раневская с артистом Геннадием Бортниковым застряли в лифте.

Только минут через сорок их освободили. Своему компаньону Фаина Георгиевна сказала:

— Геночка! Вы теперь обязаны на мне жениться: иначе вы меня скомпрометируете.

ГЛАВА VII НАБЛЮДАТЕЛЬ, ИЛИ СКОЛЬКО В ЧЕЛОВЕКЕ ГОВНА?

Ткань на юбке Раневской от долгой носки истончилась. Фаина Георгиевна скорее с удовольствием, чем с сожалением, констатирует, глядя на прореху:

— Напора красоты не может сдержать ничто!

Раневская не сочиняла анекдоты. Просто умела отстраняться от ситуации — как от опостылевшего зеркала.

Фаина Георгиевна исправляла «минус» на «плюс». И после такой операции можно было как-то жить дальше — до следующего приступа «невозможности».

«Народ у нас самый даровитый, добрый и совестливый. Но практически как-то складывается так, что постоянно, процентов на восемьдесят, нас окружают идиоты, мошенники и жуткие дамы без собачек. Беда!» (Из записной книжки.)

Фаина Георгиевна гуляет по Петергофу, все фонтанирует, «из Самсона» струя бьет вверх и т. д. Раневская возмущенно говорит: — Это неправда!

Увидев только что установленный памятник Карлу Марксу напротив Большого театра:

— Это же холодильник с бородой.

Раневская как-то рассказывала, что согласно результатам исследования, проведенного среди двух тысяч современных женщин, выяснилось, что двадцать процентов, т. е. каждая пятая, не носят трусы.

— Помилуйте, Фаина Георгиевна, да где же это могли у нас напечатать?

— Нигде. Данные получены мною лично от продавца в обувном магазине.

— Сейчас, когда человек стесняется сказать, что ему не хочется умирать, он говорит так: очень хочется выжить, чтобы посмотреть, что будет потом. Как будто, если бы не это, он немедленно был бы готов лечь в гроб.

— Чем умный отличается от мудрого? — спросили у Раневской.

— Умный знает, как выпутаться из трудного положения, а мудрый никогда в него не попадает.

У Раневской спросили:

— Чем может утешиться человек, с которым случилось несчастье?

— Умный человек утешится, когда осознает неминуемость того, что случилось. Дурак же утешается тем, что и с другими случится то же.

— Женщина, чтобы преуспеть в жизни, должна обладать двумя качествами. Она должна быть достаточно умна для того, чтобы нравиться глупым мужчинам, и достаточно глупа, чтобы нравиться мужчинам умным, — говорила Раневская.

— А как вы считаете, кто умнее — мужчины или женщины? — спросили у Раневской.

— Женщины, конечно, умнее. Вы когда-нибудь слышали о женщине, которая бы потеряла голову только от того, что у мужчины красивые ноги?

Однажды Раневскую спросили:

— Почему красивые женщины пользуются большим успехом, чем умные?

— Это же очевидно — ведь слепых мужчин совсем мало, а глупых пруд пруди.

Так и осталось невыясненным, оговорка это была или шутка:

— Почему все дуры такие женщины?

— Сколько раз краснеет в жизни женщина?

— Четыре раза: в первую брачную ночь, когда первый раз изменяет мужу, когда первый раз берет деньги, когда первый раз дает деньги.

— А мужчина?

— Два раза: первый раз — когда не может второй, второй — когда не может первый.

Объясняя кому-то, почему презерватив белого цвета, Раневская говорила:

— Потому что белый цвет полнит.

— Сегодня я убила пять мух, — сказала Раневская. — Двух самцов и трех самок.

— Как вы это определили?

— Две сидели на пивной бутылке, а три на зеркале.

В присутствии Раневской однажды зашел разговор о современной молодежи.

— Вы правы, — заметила Фаина Георгиевна, — сегодняшняя молодежь ужасная. Но еще ужаснее то, что мы не принадлежим к ней.

— Или я старею и глупею, или нынешняя молодежь ни на что не похожа! — сетовала Раневская. Раньше я просто не знала, как отвечать на их вопросы, а теперь даже не понимаю, о чем они спрашивают.

— На голодный желудок русский человек ничего делать и думать не хочет, а на сытый — не может.

Раневская любила повторять: из жизни нужно, по возможности, устранять все, для чего нужны деньги. Но с досадой добавляла афоризм Бальзака: «Деньги нужны, даже для того, чтобы без них обходиться».

— Природа весьма тщательно продумала устройство нашего организма, — философично заметила однажды Раневская. — Чтобы мы видели, сколько мы переедаем, наш живот расположен на той же стороне тела, что и глаза.

— Фаина Георгиевна, как вы считаете, сидеть в сортире — это умственная работа или физическая?

— Конечно, умственная. Если бы это была физическая работа, я бы наняла человека.

Олег Даль рассказывал:

— Снимается сцена на натуре. В чистом поле. У Раневской неважно с желудком. Она уединяется в зеленый домик где-то на горизонте. Нет и нет ее, нет и нет. Несколько раз посылают помрежа: не случилось ли что? Раневская откликается, успокаивает, говорит, что жива, и опять ее все нет и нет.

Наконец она появляется и величественно говорит: «Господи! Кто бы мог подумать, что в человеке столько говна!»

— Почему вы играете на деньги?

— Играть на деньги можно в трех случаях: если есть способности и деньги, если нет денег, но есть способности, и если нет способностей, но есть деньги.

— А вы знаете, я цветы не люблю. Деревья — мыслители, а цветы — кокетки.

— Наш водитель Ковшило ненавидит меня за то, что он возит меня, а не я его, — заметила Раневская.

Когда он приезжал за ней на своем «каблучке», соседи по дому кричали:

— Бабушка, что сегодня развозите?

Мальчик сказал: «Я сержусь на Пушкина, няня ему рассказала сказки, а он их записал и выдал за свои».

«Прелесь!» — передавала услышанное Раневская. После глубокого вздоха последовало продолжение: — Но боюсь, что мальчик все же полный идиот.

После вечернего чтения эрзац-внук спросил Раневскую:

— А как Красная Шапочка узнала, что на кровати лежит не бабушка, а серый волк?

— Да очень просто: внучка посчитала ноги — волк имеет аж четыре ноги, а бабушка только две. Вот видишь, Лешенька, как важно знать арифметику!

Как-то, когда Раневская еще жила в одной квартире с Вульфами, а маленький Алеша ночью капризничал и не засыпал, Павла Леонтьевна предложила:

— Может, я ему что-нибудь спою?

— Ну зачем же так сразу, — возразила Раневская. — Давай еще попробуем похорошему.

— Фуфа! — будит Раневскую эрзац-внук. — Мне кажется, где-то пищит мышь...

— Ну и что ты хочешь от меня? Чтобы я пошла ее смазать?

Раневская объясняет внуку, чем отличается сказка от были:

— Сказка — это когда женился на лягушке, а она оказалась царевной. А была — это когда наоборот.

— Вот женишься, Алешенька, тогда поймешь, что такое счастье.

— Да?

— Да. Но поздно будет.

Эрзац-внук спрашивает у Фуфы:

— Что это ты все время пьешь что-то из бутылочки, а потом пицишь «пи-пи-пи»?

— Лекарство это, — отвечает Раневская. Читать умеешь? Тогда читай: «Принимай после пици».

ГЛАВА VIII ЛЮБОВЬ, ИЛИ ЗАВИДОВАТЬ НЕЧЕМУ

Семья заменяет всё. Поэтому, прежде чем ее завести, стоит подумать, что тебе важнее: всё или семья.

Раневская

Фаина Георгиевна не раз повторяла, что не была счастлива в любви: «Моя внешность испортила мне личную жизнь».

Раневская не ждала взаимности — она ждала, что как-нибудь, однажды, сердце ее успокоится, закончится бесполезный бунт против самой себя.

Кажется, не дождалась. Но трезвей ее в вопросах любви и брака не было.

— Удивительно, — сказала задумчиво Раневская. — Когда мне было 20 лет, я думала только о любви. Теперь же я люблю только думать.

Раневская всю жизнь прожила одиноко: ни семьи, ни детей. Однажды ее спросили, была ли она когда-нибудь влюблена.

— А как же, — сказала Раневская, — вот было мне девятнадцать лет, поступила я в провинциальную труппу — сразу же и влюбилась. В первого героя-любownika! Уж такой красавец был! А я-то, правду сказать, страшна была, как смертный грех... Но очень любила ходить вокруг, глаза на него таращила, он, конечно, ноль внимания...

А однажды вдруг подходит и говорит шикарным своим баритоном: «Деточка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите сегодня вечером: буду к вам в семь часов».

Я побежала к антрепренеру, денег в счет жалованья взяла, вина накупила, еды всякой, оделась, накружилась — жду сию. В семь нет, в восемь нету, в девятом часу приходит... Пьяный и с бабой!

«Деточка, — говорит, — погуляйте где-нибудь пару часиков, дорогая моя!»

С тех пор не то что влюбляться — смотреть на них не могу: гады и мерзавцы!

Раневская выступала на одном из литературно-театральных вечеров. Во время обсуждения девушка лет шестнадцати спросила:

— Фаина Георгиевна, что такое любовь?

Раневская подумала и сказала:

— Забыла. — А через секунду добавила: — Но помню, что это что-то очень приятное.

На том же вечере Раневскую спросили:

— Какие, по вашему мнению, женщины склонны к большей верности — брюнетки или блондинки?

Не задумываясь, она ответила:

— Седые!

— Вы не поверите, Фаина Георгиевна, но меня еще не целовал никто, кроме жениха.

— Это вы хвастаете, милочка, или жалуетесь?

Великая русская актриса Александра Яблочкина пребывала в девицах до старости.

Как-то она спросила у Раневской, как, собственно, занимаются любовью.

После подробного рассказа Раневской Яблочкина воскликнула:

— Боже! И это все без наркоза!!!

Сотрудница Радиокomiteта Н. постоянно переживала драмы из-за своих любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой: то она рыдала из-за очередной ссоры, то он ее бросал, то она делала от него аборт... Раневская называла ее «жертва ХераСимы».

— У меня будет счастливый день, когда вы станете импотентом, — заявила Раневская настырному ухажеру.

Расставляя точки над *i*, собеседница спрашивает у Раневской.

— То есть вы хотите сказать, Фаина Георгиевна, что Н. и Р. живут как муж и жена?

— Нет. Гораздо лучше, — ответила та.

У Раневской спросили, не знает ли она причины развода знакомой пары.

Фаина Георгиевна ответила:

— У них были разные вкусы — она любила мужчин, а он — женщин.

— Фаина Георгиевна, на что похожа женщина, если ее поставить вверх ногами?

— На копилку.

— А мужчина?

— На вешалку.

— Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдет.

Раневская возвращается с гастролей. Разговор в купе. Одна говорит: «Вот вернусь домой и во всем признаюсь мужу».

Вторая: «Ну, ты и смелая».

Третья: «Ну, ты и глупая».

Раневская: «Ну, у тебя и память».

Отправившись — от нечего делать на гастролях днем — в зоопарк, артисты увидели необычного оленя, на голове которого вместо двух рогов красовалось целых четыре.

Послышались реплики:

— Какое странное животное! Что за фокус?

— Я думаю, — пробасила Раневская, — что это просто вдовец, который имел неосторожность снова жениться.

Однажды Раневская спросила Ахматову:

— Кто муж овцы?

Ахматова сказала:

— Баран, так что завидовать нечему.

Разгадывают кроссворд:

— Женский половой орган из пяти букв?

— По вертикали или по горизонтали?

— По горизонтали.

— Тогда ротик.

Опять отгадывают кроссворд.

— Падшее существо, пять букв, последняя мягкий знак?

Раневская быстро:

— Рубль!

Актеры обсуждают на собрании труппы товарища, который обвиняется в гомосексуализме: «Это растление молодежи, это преступление...»

— Боже мой, несчастная страна, где человек не может распорядиться своей жопой, — вздохнула Раневская.

Как-то в 60-е годы Раневская и еще несколько артисток ее театра поехали по путевке на Черное море. А муж одной из ее товарок достал путевку в другой санаторий этого же курорта. Потом Фаина Георгиевна рассказывала:

— И вот раз муж пришел навестить жену. Прогуливаются они по аллее, и все встречные мужчины очень приветливо раскланиваются с его женой.

Муж заинтересовался:

— Кто это?

— Это члены моего кружка...

Затем все вместе пошли провожать мужа до его санатория. Видят, там многие женщины раскланиваются с ним.

— А кто это? — спрашивает жена.

— А это кружки моего члена.

— Н. относится ко мне, как к собаке, — жаловалась Раневская. — Даже хуже! У собаки есть меховое манто, а мне о нем приходится только мечтать.

— Лесбиянство, гомосексуализм, мазохизм, садизм — это не извращения, — строго объясняет Раневская. — Извращений, собственно, только два: хоккей на траве и балет на льду.

Если женщина идет с опущенной головой — у нее есть любовник! Если женщина идет с гордо поднятой головой — у нее есть любовник! Если женщина держит голову прямо — у нее есть любовник! И вообще — если у женщины есть голова, то у нее есть любовник!

Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины порождает легкий флирт.

ГЛАВА IX ПОЛИТПРОСВЕТ, ИЛИ ПОЛЗДОРОВЬЯ ЗА РЕВОЛЮЦИЮ

На съемках «Мечты» Ромма на Западной Украине хозяйка квартиры, где жила Раневская, говорила:

— Пани Ранецкая, эта революция таки стоила мне полздоровья.

Раневская пережила Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева.

За 88 лет повидала всякое: уклонистов, невозвращенцев, лишенцев, классово чуждых, классово близких, убийц в белых халатах, космополитов, выдвигенцев, отщепенцев, диссидентов, подписантов, тамиздатовцев, самиздатовцев...

Политизация населения дошла до точки кипения. Раневская в качестве подтверждения этого ссылалась на Щепкину-Куперник, которая рассказывала, как корректор переделала фразу «на камине стояли Марс и Венера» в «Маркс и Венера».

Раневская говорила, что когда Бог собирался создать землю, то заранее знал, что в 20-м веке в России будет править КПСС, и решил дать советским людям такие три качества, как ум, честность и партийность. Но тут вмешался чорт и убедил, что три таких качества сразу — жирно будет. Хватит и двух.

Так и довелось:

Если человек умный и честный — то беспартийный.

Если умный и партийный — то нечестный.

Если честный и партийный — то дурак.

— Прогуливаюсь по аллее в правительственной санатории в Сочи, — вспоминала Раневская. — Мне навстречу идет Каганович и сходу начал разговор:

— Как вы там поживаете в театре? Над чем работаете?

— Ставим «Белые ночи» по Достоевскому.

Тогда он воодушевленно восклицает.

— А идея там какая, идея?

— Идея в том, что человек не должен убивать человека.

Стремительно последовала категоричная оценка, с руководящим жестом рукой:

«Это не наша идея. Не наша».

И быстро удалился.

На гастролях с Раневской всегда случалось непредвиденное. Так, в Ленинграде в 1950 году ей был предложен роскошный номер в «Европейской» с видом на Рус-

ский музей, сквер, Площадь Искусств. Раневская охотно заняла его и несколько дней в хорошем расположении духа принимала своих ленинградских друзей, рассказывала анекдоты, обменивалась новостями, ругала власть и чиновников. Через неделю к ней пришел администратор и очень вежливо предложил переехать в такой же номер на другой этаж.

— Почему? — возмутилась Фаина Георгиевна. — Номеров много, а Раневская у вас одна.

— Да, да, — лепетал администратор, — но мы очень вас просим переехать, там вам будет удобнее.

— Мне и здесь хорошо, — отказалась Фаина Георгиевна.

Пришел директор «Европейской» и, включив воду в ванной, объяснил, что ждет на днях высокое лицо, а этот номер в гостинице единственный, оборудованный прослушивающим устройством.

После этого Фаина Георгиевна моментально переехала и не спала на новом месте оставшиеся ночи, вспоминая свои высказывания в прежнем номере и размышляя о том, что с ней теперь будет.

Когда Ахматова хотела поделиться с Раневской чем-то особенно закрытым, они шли к каналу, где в начале Ордынки был небольшой сквер. Там они могли спокойно говорить о своих делах, не боясь того, что их подслушает КГБ. Они назвали этот скверик «Сквер Лаврентия Павловича».

Всех артистов заставляли ходить в кружок марксистско-ленинской философии. Как-то преподаватель спросил, что такое национальное по форме и совершенное по содержанию.

— Это пивная кружка с водкой, — ответила Раневская.

В театр Моссовета пришел лектор читать лекцию о полетах в космос.

Закончив ее, предлагает задавать вопросы. Поднимается Раневская.

— Товарищ лектор, а вы «подушечки» ели? Вокруг конфета, а внутри — варенье. Интересно, как оно туда попадает?

Тверской бульвар. Какой-то прохожий подходит к Раневской и спрашивает:

— Сударыня, не могли бы вы разменять мне сто долларов?

— Увы! Но благодарю за комплимент!

Во время оттепели находились наивные люди, всерьез обсуждавшие проблему открытых границ применительно к СССР.

— Фаина Георгиевна, что бы вы сделали, если бы вдруг открыли границы? — спросили у Раневской.

— Залезла бы на дерево, — ответила та.

— Почему?

— Затопчут! — убежденно сказала Раневская.

— Я говорила так долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов, — сокрушалась Раневская после неудачного выступления.

Когда в Москве, на площади Свердлова, установили памятник Марксу работы Кербеля, Раневская прокомментировала это так:

— А потом они удивляются, откуда берется антисемитизм. Ведь это тройная наглость! В великорусской столице один еврей на площади имени другого еврея ставит памятник третьему еврею!

— Ох и трудно сейчас жить честным людям! — пожаловался Раневской один видный товарищ.

— Ну а вам-то что? — спросила актриса.

— Будет ли пятая графа при коммунизме?

— Нет, будет шестая: «Был ли евреем при социализме?»

Раневская очень боялась, что ей могут предложить сотрудничать с КГБ — это в то время было распространено. Как отказаться, что делать? Один ее знакомый посоветовал в случае, если такое предложение поступит, сказать, что она кричит во сне. Тогда она не подойдет для сотрудничества и предложение будет снято. Однажды, когда Фаина Георгиевна работала в Театре имени Моссовета, к ней обратился парторг с предложением вступить в партию.

— Ой, что вы, голубчик! Я не могу, я кричу во сне! — воскликнула бедная Раневская.

Слукавила она или действительно перепутала эти департаменты, Бог знает!

В семьдесят лет Раневская вдруг объявила, что вступает в партию.

— Зачем? — поразились друзья.

— Надо! — твердо сказала Раневская. — Должна же я хоть на старости лет знать, что эта сука Верка Марецкая говорит обо мне на партсобраниях.

ГЛАВА X БЫТ, ИЛИ НА ВОЙНЕ — КАК НА ВОЙНЕ

Поняла, в чем мое несчастье: скорее поэт,
доморощенный философ, «бытовая» дура —
не лажу с бытом. Урод я.

Раневская

Фаина Георгиевна не боролась с бытом — старалась преодолеть его. Уборка, еда, одежда — все это превращалось в кошмарный экзамен. И Раневская, словно двоечник, твердила вечное: «Я учила...» Но так и не выучила — как жить. Домработницы были кошмаром Раневской. Они приходили в ее дом, как завоеватели, и уходили, как мародеры с поля боя. Все, что оставалось Фаине Георгиевне, утешаться мыслью, что в конце концов домработницы — не самое большое зло, а на войне — как на войне.

Раневская как-то сказала:

— Я дожила до такого времени, когда исчезли домработницы. И знаете, почему? Все домработницы ушли в актрисы. Вам не приходило в голову, что многие молодые актрисы напоминают домработниц? Так вот, у меня домработница опекает собаку. Та живет, как Сара Бернар, а я — как сенбернар.

У Раневской часто сменялись домработницы. Лиза была, пожалуй, самая яркая из них. Она очень хотела выйти замуж, вопреки своей малопривлекательной внешности. Фаина Георгиевна решила помочь. Как-то пришла к ней Любовь Орлова, сняла черную норковую шубу в передней и беседовала с Раневской в ее комнате. Лиза вызвала

свою хозяйку и попросила тайно дать ей надеть всего на полчаса эту шубу для свидания с женихом, дабы поднять свои шансы. Фаина Георгиевна разрешила. Домработница ушла. Прошел час. Любовь Петровна собралась уходить, но Фаина Георгиевна изо всех сил удерживала ее, не выпуская из комнаты. Лизы не было. Гостья пробыла у Раневской три часа, пока Лиза, войдя в переднюю, не хлопнула дверь. Орлова была отпущена на волю.

Лиза была крайне решительна в вопросах быта. Однажды Фаина Георгиевна услышала требовательный украинский говорок Лизы, разговаривающей по телефону: «Это дезинфекция? С вами ховорить народная артистка Раневская. У чем дело? Меня заели клопи!»

Иногда Фаина Георгиевна садилась на вегетарианскую диету и тогда становилась особенно чувствительна. В эти мучительные дни она спросила: «Лизочка, мне кажется, в этом борще чего-то не хватает?» Лиза ответила: «Правильно, Фаина Георгиевна, не хватает мяса».

Раневская часто показывала, как Лиза, готовясь к свиданию, бесконечно звонила по телефону своим подругам: «Маня, у тебе бусы есть? Нет? Пока». «Нюра, у тебе бусы есть? Нет? Пока». «Зачем тебе бусы?» — спрашивает Фаина Георгиевна. «А шоб кавалеру было шо крутить, пока мы в кино сидим», — отвечала та.

Когда замужество наконец состоялось, Раневская подарила ей свою только что купленную роскошную кровать — для продолжения Лизиного рода. А сама так до конца жизни и спала на тахте.

Диалог с домработницей:

- Что на обед?
- Детское мыло и папиросы купила.
- А что к обеду?
- Вы очень полная, вам не надо обедать, лучше в ванне купайтесь.
- А где сто рублей?
- Ну вот, детское мыло, папиросы купила.
- Ну, а еще?
- Та что вам считать! Деньги от дьявола, о душе надо думать. Еще зубную купила пасту.
- У меня есть зубная паста.
- Я в запас, скоро ничего не будет, ой ей Богу, тут конец света на носу, а вы сдачи спрашиваете.

«Собачья нянька, от нее пахнет водкой и мышами, собака моя — подкидыш — ее не любит, не разрешает ей ко мне подходить.

Нянька общалась с водой только в крестной купели. Но колоритна. Сегодня общила:

«У трамвае ехал мужчина и делал вид, что кончил «иституй». На коленях держал «портвей», а с портвея сыпалось пшено. А другой мужчина ему сказал:

«Эй ты, ученый, у тебя с портвея дела сыплются».

Животных она любит, людей ненавидит. Называет их «раскоряченные бляди».

Меня считает такой же и яростно меня обсчитывает. С ее появлением я всегда без денег и в долгах.

Сегодня выдавала фольклор. Мой гость спросил ее:

— Как живете?

- Лежу, ногами дрыгаю.
- Милиционер говорит:
- Здесь нельзя с собакой гулять.
- Нельзя штаны через голову надевать!
- «Пошла в лес с корзиной, а там хлеб, и милиционер спрашивает:
- Что это у тебя в корзинке, бабушка? А я говорю:
- Голова овечья, да п... человечья.
- А он хотел меня в милицию загнать. А я сказала:
- Некогда мне, на электричку опаздываю».

«Сегодня нянька сообщила, что все дети стали «космические», что детей опасно держать в доме, где живут родители». (Из записной книжки.)

Раневская встречает девушку, которая незадолго до этого работала у нее домработницей.

- Как я жалею, что ушла от вас, Фаина Георгиевна, — вздыхает девушка.
- Вы недовольны своей новой работой?
- Очень.
- У вас много дел?
- Намного больше, чем было у вас.
- Но вы неплохо зарабатываете?
- Что вы! Почти ничего.
- Невероятно! А отпуск?
- Никакого отпуска.
- У кого же вы работаете?
- Я не работаю. Я вышла замуж.

Внук пришел к Раневской с любимой девушкой и представляет ее:

- Фаина Георгиевна, это Катя. Она умеет отлично готовить, любит печь пироги, аккуратно прибирает квартиру.
- Прекрасно, мой мальчик! Тридцать рублей в месяц, и пусть приходит по вторникам и пятницам.

Раневская часто оставляла приоткрытой дверь на лестницу. Нанятая недавно домашняя работница быстро поняла возникшие для нее у Раневской новые возможности и унесла шубу и вазочку из хрусталя, решив свалить все на «открытую дверь». Обнаружив пропажу, Раневская известила «товарищей милиционеров». Воровку накрыли с поличным у нее дома, нашли еще несколько шуб и вазочек — она не рассчитывала, что «интеллигенты заявят».

Фаина Георгиевна невзлюбила свою вернувшуюся блудную шубу. Решила ее продать. Открыла шкаф в передней перед покупательницей, оттуда вылетела моль. Раневская крикнула:

- Ну что, сволочь, нажралась?
- Продажа не состоялась.

К биографии предлагаемых ей кур Раневская была безразлична.

Как-то в ресторане ей подали цыпленка-табака. Фаина Георгиевна отодвинула тарелку:

- Не буду есть. У него такой вид, как будто его сейчас будут любить.

Однажды домработница сварила курицу вместе с требухой. Есть было нельзя, курицу надо бы выбросить. Раневская расстроилась:

— Но ведь для чего-то она родилась!

Окна квартиры Раневской в высотке на Котельнической набережной выходили в каменный внутренний двор. А там — выход из кинотеатра и место, где разгружали хлебные фургоны.

Фаина Георгиевна с ненавистью слушала знакомые народные выражения рабочих-грузчиков, отчетливо звучащие на рассвете под ее окнами, а вечером с тоской наблюдала шумные толпы уходящих домой кинозрителей из «Иллюзиона».

— Я живу над хлебом и зрелищем, — жаловалась Раневская.

Как-то Раневской позвонила Ксения Маринина, режиссер телепередачи «Кинопанорама», хотела заехать.

— К-Ксаночка, в-вам, не трудно купить хлеба в нашей булочной? — попросила Фаина Георгиевна. — К-Ксаночка, хлеб надо обжечь на огне, а то рабочие на него ссали, — попросила Фаина Георгиевна, когда Маринина пришла.

— Все готово — обожгла хлеб, — вскоре сообщила Маринина.

— Вы д-долго его обжигали, Ксаночка? Ведь они д-долго на него ссали! — удрученно говорила Раневская.

Раневская обедала в ресторане и осталась недовольна и кухней, и обслуживанием.

— Позовите директора, — сказала она, расплатившись.

А когда тот пришел, предложила ему обняться.

— Что такое? — смутился тот.

— Обнимите меня, — повторила Фаина Георгиевна.

— Но зачем?

— На прощание. Больше вы меня здесь не увидите.

В Доме творчества кинематографистов в Репино под Ленинградом Раневская чувствовала себя неудобно. Все ей было не так. Обедала она обычно в соседнем Доме композиторов, с друзьями, а кинематографическую столовую почему-то называла буфэт, через «э». Она говорила: «Я хожу в этот буфэт, как в молодости ходила на аборт».

— Я не могу есть мясо. Оно ходило, любило, смотрело... Может быть, я психопатка? Нет, я себя считаю нормальной психопаткой. Но не могу есть мяса. Мясо я держу для людей.

— Животных, которых мало, занесли в «Красную книгу», а которых много — в «Книгу о вкусной и здоровой пище», — объясняла она домработнице.

Раневская не упускала случая ошарашить собеседника совершенно неожиданной реакцией.

— Посмотрите, Фаина Георгиевна! В вашем пиве плавают мухи! — во весь голос закричала соседка по столу.

— Всего одна, милочка. Ну сколько она может выпить?! — спокойно ответила Раневская.

Во время войны не хватало многих продуктов, в том числе и куриных яиц.

Для приготовления яичницы и омлетов пользовались яичным порошком, который поставляли в Россию американцы по ленд-лизу. Народ к этому продукту отно-

сился недоверчиво, поэтому в прессе постоянно печатались статьи о том, что порошок очень полезен, натуральные яйца, наоборот же, очень вредны.

Война закончилась, появились продукты, и яйца стали возникать на прилавках все чаще. В один прекрасный день несколько газет поместили статьи, утверждающие, что яйца натуральные очень полезны и питательны. Говорят, в тот вечер Раневская звонила друзьям и сообщала:

— Поздравляю, дорогие мои! Яйца реабилитировали!

— Когда я выйду на пенсию, то абсолютно ничего не буду делать.

Первые месяцы буду просто сидеть в кресле-качалке.

— А потом?

— А потом начну раскачиваться...

— К счастью, мне очень мало надо!

ГЛАВА XI ХВОРИ, ИЛИ КОШМАР СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

На вопрос: «Вы заболели, Фаина Георгиевна?» — она привычно отвечала: «Нет, я просто так выгляжу...»

Раневская не отличалась крепким здоровьем, но относилась к своим болезням легкомысленно. Она шутила над ними так, как могут подтрунивать над незванными гостями — вдруг обидятся и поскорее уберутся.

У Раневской спросили:

— Как вы себя чувствуете, Фаина Георгиевна?

— Болит печень, сердце, ноги, голова. Хорошо, что я не мужчина, а то бы и предстательная железа заболела.

— Здоровье? Здоровье, это когда у вас каждый день болит в другом месте.

— Я себя чувствую, но плохо, — отвечала Раневская на постылые вопросы о здоровье.

— Фаина Георгиевна, вы опять захворали?! А какая у вас температура?

— Нормальная, комнатная, плюс восемнадцать градусов...

— Моя любимая болезнь, — говорила Раневская, — чесотка: почесался и еще хочется. А самая ненавистная — геморрой: ни себе посмотреть, ни людям показать.

— Страшный радикулит. Старожилы не помнят, чтобы у человека так болела жопа, — жаловалась Раневская.

Юноша с девушкой сидят на лавочке. Юноша очень стеснительный. Девушке хочется, чтобы он ее поцеловал, и она говорит.

— Ой, у меня щечка болит.

Юноша целует ее в щечку:

— Ну как, теперь болит?

— Нет, не болит.

Через некоторое время:

— Ой, у меня шейка болит!

Он ее чмок в шейку:

— Ну как, болит?

— Нет, не болит.

Рядом сидит Раневская и спрашивает:

— Молодой человек, вы от геморроя не лечите?

Раневская тяжело переживала смерть режиссера Таирова. У Фаины Георгиевны началась бессонница, она вспоминала глаза Таирова и плакала по ночам.

Потом обратилась к психиатру.

Мрачная усатая армянка устроила Раневской допрос с целью выяснить характер ее болезни. Фаина Георгиевна изображала, как армянка с акцентом спрашивала ее:

— На что жалуешься?

— Не сплю ночью, плачу.

— Так, значит, плачешь?

— Да.

— Сношений был? — внезапный взгляд армянки впивался в Раневскую.

— Что вы, что вы!

— Так. Не спишь. Плачешь. Любил друга. Сношений не был. Диагноз: психопатка! — безапелляционно заключила врач.

Раневской делают операцию под наркозом. Врач просит ее считать до десяти.

От волнения она начинает считать невольно:

— Один, два, пять, семь...

— Будьте повнимательнее, пожалуйста, — просит врач.

— Поймите, как мне трудно, — начинает оправдываться актриса. — Моего суфлера ведь нет рядом.

— Я рекомендовал вам выкуривать только по одной папиросе после еды. И вот результат: у вас прекрасный здоровый вид, вы заметно поправились, — с оптимизмом говорит врач.

— Вы хотите сказать, что жопа стала еще толще. Неудивительно, я ведь теперь ем по десять раз в день, чтобы покурить, — объясняет Раневская.

— Вот ваши снотворные таблетки, Фаина Георгиевна, этого вам хватит на шесть недель.

— Но, доктор, я не хотела бы спать так долго!

— Этот доктор творит чудеса! Он буквально за минуту вылечил все мои болезни, — саркастически заметила Фаина Георгиевна после посещения врача.

— Каким образом?

— Он сказал, что все мои болезни — не болезни, а симптомы приближающейся старости.

Раневская, рассказывая о своих злоключениях в поликлинике, любила доводить ситуацию до абсурда. В ее интерпретации посещение врача превращалось в настоящий анекдот:

«Прихожу в поликлинику и жалуюсь:

— Доктор, у меня последнее время что-то вкуса нет.

Тот обращается к медсестре:

— Дайте Фаине Георгиевне семнадцатую пробирку.

Я попробовала:

— Это же говно.

— Все в порядке, — говорит врач, — правильно. Вкус появился.

Проходит несколько дней, я опять появляюсь в кабинете этого врача:

— Доктор, вкус-то у меня появился, но с памятью все хуже и хуже.

Доктор обращается к медсестре:

— Дайте Фаине Георгиевне пробирку номер семнадцать.

— Так там же говно, — ору я.

— Все в порядке. Вот и память вернулась».

— Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть, — полагала Раневская.

— Была сегодня у врача «ухо-горло-жопа», — сообщила Раневская опешившей соседке.

«Кошмар со всеми удобствами» — так называла Раневская Кунцевскую больницу.

Раневская со сломанной рукой в Кунцевской больнице.

— Что случилось, Фаина Георгиевна?

— Да вот, спала, наконец приснился сон. Пришел ко мне Аркадий Райкин, говорит:

— Ты в долгах, Фаина, а я заработал кучу денег, — и показывает шляпу с деньгами.

Я тянусь, а он зовет:

— Подойди поближе.

Я пошла к нему и упала с кровати, сломала руку.

Оправившись от инфаркта, Раневская заключила:

— Если больной очень хочет жить, врачи бессильны!

Раневская изобрела новое средство от бессонницы и делится с Риной Зеленой:

— Надо считать до трех. Максимум — до полчетвертого.

— 85 лет при диабете — не сахар, сокрушалась Раневская.

— Фаина, — спрашивала ее старая подруга, — как ты считаешь, медицина делает успехи?

— А как же. В молодости у врача мне каждый раз приходилось раздеваться, а теперь достаточно язык показать.

— Я устала симулировать здоровье, — повторяла Раневская. Но продолжала делать это.

ГЛАВА XII ЕВРЕИ, ИЛИ ИСКУССТВО СРАВНИВАТЬ НАЦИИ

- Вы не еврей?
- Нет, что вы! Просто у меня интеллигентное лицо.

Фаина Георгиевна однажды сказала: «Что за мерзость антисемитизм, это для негодяев — вкусная конфета, я не понимаю, что это, бейте меня, как собаку, все равно не пойму». Но сама, как настоящая еврейка, не чуралась хорошей еврейской шутки. Еще она, по слухам, была большой любительницей анекдотов, где сравниваются достоинства разных наций.

В цирке инспектор манежа объявляет:

— Внимание! Рекордный трюк! Один раз в сезоне! Борьба с евреем! Участвует вся труппа!

- Бабушка, а я русский или еврей?
- А что такое, внучек?
- К нам в садик игрушки привезли, так я думаю, сломать или домой унести?

Девушка вышла замуж за еврея. Подружки спрашивают:

- Ну как?
- Ой, девочки, я знала, что евреям делают обрезание, но чтобы так коротко!
- Рабинович, скажите, как вам так быстро удалось стать миллионером?
- Никакой тайны нет. Слушайте сюда: когда мы с Сарой приехали в Америку, у нас было всего два цента. Мы купили два грязных яблока, вымыли и продали их за четыре цента. Потом купили на них четыре яблока и продали за восемь центов.
- А потом?
- Потом умерла моя бабушка и оставила нам в наследство два миллиона.

Беременная еврейка пришла к гинекологу. Он ее осмотрел:

- У вас неправильно расположен плод: он повернут.
- Доктор, что же мне делать?
- Отец ребенка тоже еврей?
- Да.
- В таком случае не волнуйтесь: ребенок выкрутится сам.

- Какая разница между еврейской и православной женами?
- Православная жена имеет настоящие оргазмы, но поддельное золото.

Арабо-израильский фронт. Приходит Рабинович к командиру.

- Хочу к жене домой.
- Ты с ума сошел? Война же идет.
- Отпусти, командир, домой, к жене хочу.
- Как я тебя могу отпустить? Надо тогда какой-нибудь подвиг совершить.
- Какой?
- Например, захватить арабский танк. Рабинович уходит и через полчаса приволакивает арабский танк. Его отпускают домой на побывку. Возвращается Рабинович из отпуска, а однополчане его окружили и спрашивают:

— Рабинович, расскажи, как же ты умудрился так быстро захватить у арабов танк?

— Очень просто! Пришел на линию фронта и кричу: «Эй вы, арабы, кто хочет в отпуск, давайте меняться танками!»

Собираясь в синагогу, банкир обращается к своему биржевому маклеру:

— Вернусь через три часа. В это время не хочу заниматься делами...

Через полчаса раздается звонок из биржи:

— Акции «Бонзы» идут на повышение. Курс 430.

Маклер с трудом овладевает собой.

Снова звонок:

— Акции котируются в 450 долларов.

Маклер вскакивает со стула. Очередной телефонный звонок:

— Акции уже котируются в 470.

Маклер хватается за шляпу, мчится в синагогу и шепчет банкиру:

— Акции «Бонзы» поднялись до 470!

Работодатель смотрит на него с упреком:

— Послушайте! Вы совершили три ошибки. Во-первых, вы помешали мне окончить праздничную молитву. Во-вторых, вы нарушили покой моих единоверцев, молящихся в Божьем Доме. В-третьих, здесь, в синагоге, эти акции котируются уже в 485.

Два абсолютно безденежных еврея приехали из России в Америку, чтобы найти применение своим способностям. Один из них вскоре заработал миллион.

Он изобрел специальную машину, в которую достаточно опустить 10 центов, чтобы выскочила новая жена. Второму повезло еще больше: он заработал 10 миллионов. Машина, которую он изобрел, действовала так: засовываешь в нее жену, а она выдает тебе 10 центов.

Еврей наставляет своего сына:

— Скажи, Изя, что бы ты сделал, найдя на улице десять долларов?

— Спрятал бы в карман.

— Нет, так не поступают, сынок! Если найдешь десять долларов, отнеси в полицию. Там тебя похвалят, дадут один доллар и скажут: «Изя — порядочный человек».

— Хорошо.

— А что бы ты сделал, найдя десять тысяч долларов?

— Отнес бы в полицию. Там бы меня похвалили и дали тысячу в качестве премии...

— Ни в коем случае! — перебивает отец. — Если найдешь такую сумму денег, спрячь их немедленно!

— Но они же не скажут тогда, что Изя — порядочный человек!

— Ой, дурак! Если имеешь в кармане десять тысяч долларов, ты не нуждаешься в том, чтобы быть порядочным человеком!

Проходя мимо дорогого ресторана в Нью-Йорке, Рабинович услышал громкую русскую речь.

Увидев через окно новых русских, он решил прикинуться нищим и на халяву пообедать.

— Простите за беспокойство, вы, наверное, новые русские? Я вами восхищен, вы такие богатые! Какой у вас размах! Как вы красиво одеты! Какие у вас машины! А я двадцать лет назад уехал из России. И, честно говоря, вот уже три дня совсем ничего не ел.

Новый русский, ковыряясь в зубах, ответил:

— Три дня не ел? Старик, ну, это никуда не годится, ты себя заставь.

Застойные времена. Идет собрание в погребальной конторе. Повестка дня: экономия.

— Предлагаю вместо гробов использовать полиэтиленовые пакеты — экономим на дереве!

Бурные аплодисменты...

— Предлагаю покойника в полиэтиленовом пакете закапывать вертикально — экономия площади!

Продолжительные аплодисменты...

— Предлагаю покойника в полиэтиленовом пакете закапывать вертикально, но только наполовину — экономия на памятниках!

Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Попечительница школы-интерната для девочек однажды ночью внезапно была разбужена пятнадцатилетней школьницей:

— Меня только что изнасиловали!

— Успокойся, Клара, — сказала дама, — открой холодильник и съешь половинку лимона.

— Половинку лимона? — удивилась школьница. — Это предохранит меня от беременности?

— Нет, дорогая, но это позволит тебе избавиться от счастливой улыбки на лице.

— Дорогая мадам, — говорит гинеколог, — я хочу вам сообщить радостную новость!

— Не называйте меня мадам, я мадемуазель.

— Дорогая мадемуазель! Я хочу сообщить вам печальную новость...

— Митрич! Знаешь, я твою Нюрку...Того!

— Чего того? Трахнул, что ли?

— Да нет! Трактором переехал...

На международном курорте сидят пожилые супружеские пары и вспоминают молодость.

Женщины, подвыпив, признаются в том, что имели по одному любовнику.

— Когда это было? — спросил американец у своей жены. — В каком году?

— Ты должен помнить то время, дорогой, — вздохнула та. — Помнишь, когда у меня появился белый «шевроле».

— А ты когда мне изменила? — спросил француз свою жену.

— Мог бы догадаться сам. Помнишь мою роскошную лисью шубу?

— Ну, теперь твоя очередь признаваться, — сказал русский. — Говори все как на духу. Когда это было?

— А помнишь, — опустила глаза жена, — у тебя пропала твоя пыжиковая шапка?

Послали представителям разных национальностей фильм: раскаленная пустыня, палящее солнце. С трудом идут мужчина и женщина. И вдруг мужчина достает сочный апельсин и отдает его женщине. Вопрос: какой он национальности?

Француз:

— Только француз мог так галантно отнестись к даме!

Англичанин:

— Нет, это англичанин — посмотрите, какая выдержка!

Русский:

— Нет, это русский: надо же быть таким дураком! Сам бы съел.

Еврей:

— Нет, это еврей: кто бы еще смог достать в пустыне апельсин?

В США в одном из ночных баров на сцене девушка показывает стриптиз.

Вдруг из зала раздается выстрел. Пуля перебивает ляжку лифчика, он падает.

Весь зал аплодирует. Встает мужик и представляется:

— Стив Блэкмер, штат Флорида, профессионал.

Девушка продолжает танец.

Вдруг раздается еще один выстрел. Пуля перебивает ляжку трусиков и они падают. Встает другой мужик и представляется:

— Майкл Шиффер, штат Техас, профессионал.

Девушка продолжает танцевать. Вдруг раздается оглушительный выстрел, девушка падает замертво. Встает здоровенный мужик, прячет обрез под полушубок и говорит:

— Мыкола Порошок, Львовщина, любитель.

Идут по пустыне американец, англичанин и русский. Силы у всех на исходе. Русский предлагает выпить бутылку водки. После того, как ее распили, из пустой бутылки вылетел джин.

— О, мои спасители! — восклицает джин. — Каждому исполню два желания.

Американец попросил миллион долларов и в родную Америку! Тут же исчез.

Англичанин — миллион фунтов стерлингов и в родную Англию. Тоже исчез.

Русский огорченно развел руками.

— Ну вот, так хорошо начали, — ящик водки и ребят обратно!

Какая разница между французом, англичанином и русским? Когда француз выходит из вагона, он даже не посмотрит, не забыл ли чего. Англичанин обязательно удостоверится, что взял свои вещи. А русский, кроме того, проверит, не забыл ли чего сосед по вагону.

Поймали людоеды немца, француза, русского и американца в джунглях.

Говорят пленникам: прежде, чем вас сожрать, мы исполним ваши последние желания. Немец захотел пива. Людоеды обшарили все джунгли — принесли ему кружку баварского пива. Потом его съели.

Француз захотел... женщину. Желание тоже было исполнено. И потом тоже был съеден. Настала очередь русского.

— Твое последнее желание?

— Дайте мне пинка под зад.

— И больше ничего?

— Только пинка под зад...

Вождь дал Ваньке пинка под зад. Ванька из-под полы достает «Калашников» и все племя косит...Американец спрашивает у русского:

— Почему же ты не вступился, когда убивали немца и француза?

На что русский ответил:

— Русские люди — мирные люди. Нас не трогают — и мы не трогаем...

Англичанин, француз и русский проходят испытание: переплыть реку с крокодилами, отрубить голову дракону и удовлетворить женщину в пещере.

Англичанин: бросается в реку — и его тут же съедают крокодилы.

Француз переплывает реку, но погибает в лапах дракона.

Русский: переплывает реку и скрывается в пещере, откуда доносится страшный шум. Потом выходит и спрашивает:

— Ну, где здесь женщина, которой я должен отрубить голову?

Американец, англичанин и русский хвалятся прочностью своей резины.

— У нас один упал с 100-го этажа, — говорит американец. — К счастью, он приземлился на ноги, подошвы спружинили, и он снова взлетел на 100-й этаж.

— У нас один отплыл на корабле, — говорит англичанин. — Когда корабль отошел от порта на 100 миль, его потянуло назад и притащило обратно в порт. Оказалось, что наш путешественник зацепился подтяжкой за причал.

— А у нас один в лифт свалился. Сам — вдребезги, а галоши целы.

Усадили за решетку на пятнадцать лет русского, еврея и француз. И спросили их перед новосельем:

— Может дать вам что-то одно в камеру?

Француз:

— Мне женщину, пожалуйста.

Еврей:

— Телефон-таки мне дадите?

Русский:

— Енто, как его? Да пары пачек сигарет мне хватит.

Проходит пятнадцать лет. Выходит из камеры француз в окружении любящей жены и десятка счастливых ребятишек. Протискивает пузо еврей, ставший за эти годы благодаря сидению на телефоне миллионером. Скрипят заржавевшие пружины, и вылезает растрепанный русский с фразой:

«Мужики, а у вас спичек случайно не найдется?»

Нанимает американский генерал летчиков на работу. Заходит немец.

Рассказывает, сколько налетал, в каких операциях участвовал. Генерал спрашивает:

— А сколько хотите получать?

— 3 тысячи долларов.

— А на что вы их потратите?

— Одну в банк положу, одну — семье, одну себе.

Заходит англичанин. Тоже рассказывает, сколько налетал, в каких операциях участвовал.

— А сколько хотите получать?

— 4 тысячи долларов.

— А на что потратите?

— Одну в банк положу, две — семье, одну себе.

Заходит русский. Генерал спрашивает:

— Сколько налетал?

— Нисколько.

— ???

— В каких операциях участвовали?

— Ни в каких.

— А сколько получать хотите?

- 9 тысяч.
- А зачем вам столько?
- Ну как? Три — вам. Три — себе. А за три немец летать согласился.

Соревнования по стрельбе. Первым стреляет немец. Он попросил посадить муху на забор и с десятка метров попал в нее.

Англичанин сбил на лету шмеля.

Выходит француз, выпустил комара из коробочки. Раздался выстрел.

«3-3-3», — продолжает гудеть комар, правда, на полтона выше.

— Так ведь он же летает! — бросились к стрелку судьи.

— Летает и будет летать. А вот любить — никогда!

Американец, англичанин и русский хвалятся, что заставят кошку съесть горчицу. Американец хватает кошку и запикивает горчицу ей в пасть.

— Это насилие! — протестует русский.

Англичанин кладет горчицу между двумя кусочками колбасы, и кошка съедает.

— Это обман! — протестует русский, после чего мажет горчицей кошке под хвостом, и кошка с воем это вылизывает.

— Обратите внимание, — говорит русский, — добровольно и с песней.

Собрались как-то американец, француз и русский и начали говорить, кто как свою тещу убить собирается.

Американец говорит:

— На Рождество я подарю своей теще огромный коттедж на Канарах с огромным балконом, колонны под которым я предварительно подпилю. И вот, выходит она на балкон однажды утром понежиться после сна под теплыми лучами тропического солнца, как вдруг балкон обрушивается и она погибает под обломками.

Француз говорит:

— А я куплю огромный красный «Ягуар», сделаю отверстие в тормозном шланге и подарю его своей теще. Она выедет впервые на трассу, захочет проверить максимальную скорость, разгонится до 280 километров в час. А на крутом повороте тормоза откажут, и она вылетит на бешеной скорости с трассы.

Тут вступает в разговор русский:

— А я куплю в аптеке 100 пачек аспирина...

Француз и американец недоуменно переглянулись.

Русский продолжает:

— Растворю все таблетки в одной большой кастрюле, поставлю на огонь, подожду, пока не выкипит вся вода...

— И что тогда будет? — спрашивают американец и француз.

— Представьте себе, получится огромная таблетка аспирина... Я положу ее на кухне прямо посередине стола и спрячусь в ванной. Представляете, теща просыпается утром, выходит на кухню и восклицает: «Какая большая таблетка аспирина!»

— Ну, а ты?

— И тут я выскакиваю из ванной и топором ей по башке!

У гражданина Ивантера заболела жена. Отправил ее в больницу. Там ей срочно сделали операцию. Спустя некоторое время гражданин Ивантер решил позвонить в больницу, узнать, как прошла операция.

— Алло! Алло! Это больница? Кто у телефона?

— Дежурная сестра!

— Слушайте, сестра, позовите пожалуйста к телефону врача, который оперировал мою жену.

Однако телефонистка ошибочно переключила в тот момент гражданина Ивантера на механика автотранспортной мастерской, который разговаривал с клиентом, сдавшим личную машину в ремонт.

И тут Ивантер услышал следующее:

— Мы заменили ей зад.

— Зад? О, — удивился Ивантер.

— Да, — ответил механик.

— Вы в своем уме? Ведь у нее был довольно приличный зад, — говорит Ивантер.

— Прошу не спорить. У нее зад настолько изношен, что восстановить было невозможно, по всей вероятности ее использовали без ведома хозяина по кустам и камням. Поэтому на нижней части имеются царапины, кроме того, буфера у нее совсем отвисли, очень болтаются, мы их тоже подтянули. Передок тоже был настолько изношен, что пользоваться ею дальше было невозможно. Мы ей засадили втулку, расширили до нормального диаметра и добились тугого прилегания. Она, видимо, много жрала масла, жрала столько, что сама этого не стоила. Этот дефект мы ей устранили.

Гражданин Ивантер:

— То, что она любила масло, это правда, и если вы сделали так, чтобы она теперь ела меньше, это хорошо, спасибо. В отношении же зада и всяких тех самых — это нахальство.

Механик:

— Прошу не спорить, вы меня послушайте до конца. Мы ей сделали все, что было необходимо, и после этого испробовали по одному разу. Правда, сперва она вела себя несколько беспокойно, сильно подбрасывала, чихала, спускала много газа, сильно нагревалась, по потом начала ровно дышать, так что завтра можете приезжать, мы ее попробуем при вас, да и вы попробуйте ее в нашем присутствии. После чего вы сможете ее забрать в личное пользование.

Надеюсь, вы останетесь довольны ею.

Как приходят в гости и уходят из гостей представители различных национальностей?

Русский приходит с ведром водки, а уходит с подбитым глазом.

Украинец приходит с кольцом колбасы и большим куском сала, а уходит с песнями.

Грузин приходит с ящиком коньяка, мешком мандаринов, а уходит с тостом.

Еврей приходит с двоюродным братом, а уходит с куском торта для тети Песи.

Очередные соревнования между представителями разных наций.

Основная задача — за 30 секунд успеть написать письмо, завязать шнурки и полюбить девушку.

Первым вышел англичанин. Время закончилось при попытке дописать письмо.

Вторым — француз. Вылетел во время завязывания шнурков.

Выходит русский. Время пошло: он пристраивается сзади к девушке (причем она нагибается и завязывает в это время ему шнурки) и кроме основного занятия, начинает писать письмо, положив лист бумаги ей на спину... Глядя на изумленно молчащих членов комиссии, задает вопрос: «Может, вам еще дров напилить? Так вы мне пилу в задницу вставьте...»

Американец, француз и русский спорят, у кого лучше стиральная машина.

— У меня машина сама греет воду, стирает и выжимает, — говорит француз, — только одна проблема — не сушит.

— У меня машина сама греет воду, стирает, выжимает и сушит, — говорит американец, — только одна проблема — не гладит.

— У меня, — говорит русский, — машина сама заливает воду, греет, стирает, полощет, выжимает, сушит, гладит, ароматизирует и в шкаф кладет!

Американец и француз:

— Ну у тебя и машина!

— Да, только одна проблема, — говорит русский, — иногда два раза на день трахать приходится...

Двое мужчин и одна женщина оказываются на необитаемом острове.

Как ведут себя представители разных народов?

Англичане устраивают дуэль из-за женщины.

Американцы затевают из-за нее драку.

Французы живут втроем.

Русские организуют колхоз: один — председатель, другой — секретарь парт-организации, а «народ» они отправляют в поле.

Евреев вскоре становится четверо: достали еще одну женщину.

Встретились англичанин, американец и русский. Англичанин говорит:

— У меня две виллы и две любовницы.

Американец:

— А у меня три виллы и три любовницы.

Русский:

— Скажу честно, вилы у меня одни. Зато сплю со всей деревней!

Встретились русский, англичанин и француз и завели речь о женах.

Англичанин начал расхваливать свою жену:

— Моя жена легкая, быстрая, как борзая.

Француз:

— Моя жена нежная, мягкая, как болонка.

Русский:

— Моя жена тоже сука, но не знаю, какой породы.

ГЛАВА XIII

ПАРОДИИ, ИЛИ НАШ ОТВЕТ НА «СОПЛИ В САХАРЕ»

«Если я скажу вам все как было, слово в слово, вы умрете со скуки. Вы хотите умереть со скуки? Да или нет?»

Раневская очень любила пародии. Собственно, это ее жанр. Ее ампула. Она пародировала жизнь, пересмеивала ее и так, и эдак.

«ИЗ «ПЬЕСЫ О ТЕАТРЕ»

(Женщины трясут кофточки около подмышек, мужчины вытирают выи. Приглушенный ропот.)

Выступление Распадского: «Друзья, мои прекрасные друзья, я счастлив (плачет), эти слезы поймите как проявление радости и счастья, что я вижу всех вас — лучших из лучших.

Сейчас я понял, как я виноват перед вами, я ленился, я недооценивал такой могучий, здоровый, такой талантливый Коллектив. Я спрашиваю себя: имел ли я право, я, недостойный вас, руководить вами? Нет, не имел! Тысячу раз нет! Отдаю себя в ваши руки! Воспитуйте меня, сделайте из меня достойного вас руководителя, ругайте меня, критикуйте. Вы щадили меня, вы слишком снисходительно относились к такому прохвосту, лентяю, бездельнику, скажу больше — ничтожеству, каким я был все эти годы. Я рисковал, я неоднократно женился, я предпочитал вам Большой академический театр Союза ССР. Да, я любил балет, но отныне я полюблю только вас, не умеющих делать фуэте и падеде. Я, презренный, духовно обнищавший, отныне хочу впитать в себя здоровый дух моего коллектива, хочу знать все ваши чаянья, желания, мечты.

Пусть каждый из вас возьмет на себя обязанность учить меня, исправлять мои ошибки, а если будет необходимость, — наказывать меня сурово и беспощадно».

(Хочет встать на колени.)

(Все кричат «не надо!», «ура», «любим», крики переходят в овацию. Распадского качают, сотни рук подхватывают его покорное тело и опять подкидывают вверх. Летает он легко, как пушинка, закрыв глаза, беспомощно и благодарно улыбаясь, посылает воздушные поцелуи.)

В ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА

Из дневника писателя

Сегодня, наконец, получил путевку в «Дом творчества». Комната отдельная, чистая, сбегал в санузел. Чистота идеальная, не ожидал. Здесь много известных писателей, но никого не знаю.

Понедельник

Приехала какая-то пожилая в штанах. Ей подали к обеду что-то прикрытое салфеткой. Завтра с утра засяду за работу. Говорят, Толстой с утра садился писать каждый день, даже когда ему не очень хотелось. Завтра попробую и я.

Кроме того, сегодня понедельник, пойду на лыжах окислюсь, а завтра с утра — трудиться, трудиться и трудиться, как говорил Алексей Максимович.

Вторник

Спал, как сурок, потом блаженствовал в санузле. Сегодня приехала еще одна толстая в штанах и на «ЗИМе». Видел в окно, как она вылезала из «ЗИМа», шофер понес за ней чемодан желтый, не наш и в наклейках.

Проклятая моя впечатлительность помешала сосредоточиться, собраться с мыслями. В вестибюле толстая громко смеялась. Накупила, наверное, за границей на четыре сезона. Выбила меня из колеи. Но я преодолел тяжелое чувство неприязни к заживревшей негодяйке и заставил себя сосредоточиться.

Придумываю название очерка: «Вечер в семье» или «У семейных огней», а м. б. просто «В семье». Краткость — сестра таланта. Не помню, кто это сказал? А м. б. это я сам, но забыл.

Толстая в штанах, что на «ЗИМе» и с наклейками, ржет, как лошадь, на весь дом и не дает сосредоточиться. Пойду завтракать. После завтрака засяду, как Толстой.

Среда

Толстая притихла, уселась за роман — пишет продолжение: «Степан Степанович». Говорят, этот опус со Степаном дал ей полмиллиона. Пойду окисляться. Весь день был злой, как собака, — попробую написать лирические стихи. Как-то легко и просто родилось название:

Зимнее

Примят снежок —
И лыжники несутся весело гурьбой,
В лесу заснувшем,
Где когда-то мы с тобой,
Застыли в первом поцелуе,
Ты помнишь, милая, у старой туи!
Нам было в пору ту по двадцать лет!
Ты замерла,
И это был ответ на мой вопрос безмолвный:
«Да иль нет?!»
Ты помнишь, милая,
Как ласково склоняясь,
Ты в верности мне страстно поклялась,
А я сгребал снежок
Вокруг твоих замерзших ног!
Теперь тот снег на голове твоей
В кудрях пушистых притаился,
А внук наш маленький
В постельке вдруг зашевелился.
А на окне застывшие узоры,
Ворота нашей дачи на запоре.
Мы вместе, мы вдвоем,
Мы охраняем наше счастье
И наш дом.

Написал одним дыханием и без помарок. У Долматовского бы взяли, а мне не везет.

Пятница

Перечел вчерашние стихи, был взволнован до слез, уже отослал Софронову, что-то скажет Толя? Неужели же не почувствует их силу? Приехала еще одна толстая в штанах, рассердилась, что здесь нет бильярда, и, кажется, вечером уезжает. Скатертью дорога! Весь день чешутся руки на стихи. Неужели так действует «Дом творчества»? Все может быть. В Москве бы мешали телефоны и мелкие мысли, а здесь постепенно сползает с души все ненужное, опошляющее. Но творческое влияние отняло силы. Чувствую расслабленность в мышцах. Говорят, Бальзак, дописывая «Отца Горио», сам чуть не умер. Пойду окисляться, а потом обед.

Вспомнил, что к обеду той, что в штанах, опять подали что-то прикрытое салфеткой. Неужели и сегодня повторится этот гнусный блат! Придется искоренить. Напишу А. Суркову и подпишусь: «Неподкупный собрат».

Суббота

Пробовал читать, но почему-то моментально засыпаю. Надо будет зайти в Литфонд проверить кровавые шарики. Нет ли малокровия мозга? Вскочил от страшного

шума в коридоре. Это толстая в штанах меняла чемодан в наклейках с той, которая упала на лыжах. Лыжница (она теперь на костылях) доказывала, что ее кофточка из шерсти дороже чемодана и требовала в придачу кое-что из косметики.

К обеду давали кружочки из мяса с луком — надо будет узнать рецепт.

Те, что в штанах, к обеду не спускаются во избежание конфликтов. Им носят в комнату. Завтра возьмусь искоренять этот чудовищный блат.

Позвонили из редакции — стихи приняты! Поощрение поднимает творческий дух. В голове появились заготовки сценария, очерков, поэм.

Воскресенье

Сломал вечное перо.

Упала на лыжах еще одна толстая в штанах и вывихнула что-то женское.

Воспользовался приездом врача и просил его меня обследовать. Врач нашел сильное переутомление, предписал полный покой. Подчиняюсь.

Обе толстые теперь неотлучно сидят у телевизора. Они оказались доброжелательными. Одна одолжила перо, другая дала тему: юноша любит девушку, девушка любит юношу. Завтра засяду за работу.

Понедельник

Приехали два писателя, у которых ремонтируют дачи, была страшная драка.

Потом они помирились. Я с ними выпил. Сегодня чувствую прилив сил и сажусь за массовую песню.

К птицам

Куда, куда летите, гуси?

В каком бы ни были краю,

Скажите девушке, что звал когда-то Дусей,

Что песню для нее я вновь пою!

И песню ту, что звонче нет на свете,

Я посвящаю, птицы, Вам, и ей!

Что я мечтаю, птицы, об ответе,

Когда вернетесь вновь,

В широты Родины моей!!

Летите ж дружно

Стаей легкокрылой,

Скользите и парите в небесах,

И не забудьте поклониться милой,

Кого всегда я вижу наяву и в снах!!

Не знаю, что со мной, опять рождал без одной пометки. Чувствую, что «К птицам» — мое credo — как говорили древние.

Опять шум в вестибюле — сбежал вниз: дерутся те, что помирились, у которых свои дачи. Мне тоже дали по шее, но я сделал вид, что не заметил.

Завтра засяду за большой роман — уже придумал название — «Отцы и дети». Вспомнил, что такое название уже есть, кажется, у Гоголя. Придется назвать «Дети и их отцы». Впереди адова работа. Завтра с утра окислюсь и за дело.

Вторник

Спать не пришлось. Ночью приехали гости к тем, что ремонтируют свои дачи. Пели хором «Пшеницу золотую», «Шумел камыш» и другие массовые песни, я включился. Очень ругались те, что на костылях, потом Толя читал свои стихи.

Буду объективен — мои лучше! Воспользовался нетрезвым состоянием Петьки и одолжил у него косуху.

Надеюсь, он не вспомнит.
Пятница
Утром написалось что-то большое, незыблемое, думаю, что-то даже выше, чем «К птицам».

Признание
Зашумели, загудели бураны,
С ветки падает мерзлый лист,
А летом уйду на баштаны
Слушать птичек веселый свист.
Растянусь на земле родимой,
Долгим взглядом вопьюсь в вышину,
Сердцем чистым отдамся любимой,
Что ушла навсегда в тишину.

Читал толстым — они прослезились, сказали, что сильнее Блока. Отрадно сознание, что расту, расту! Бегу окисляться!

Воскресенье

Косуху, что перехватил у Петьки, проиграл в «козла». Настроение подавленное. Опять пропало казенное полотенце, подозревают меня. Безобразия! Надо будет повесить обратно, когда все будут спать.

«К птицам» принято! Это подняло тонус. Думаю, что из всех литературных жанров мне больше всего даются стихи. Все же засяду за пьесу — это самое доходное. Уже придумал название: «В даль далекую».

Понедельник

Сейчас прочитал в газетах, что писатель Коберды Кобердаев получил орден. Эх! Взял Серафимовича, надо пополнить багаж. Приехала на жемчужной «Победе» Татьяна Пэц и с ней: две мелкие жульницы пера.

ИЗ ПИСЕМ ТАТЬЯНЕ ТЭСС

Раневская приятельствовала с Татьяной Тэсс, чье журналистское творчество называла «сопли в сахаре».

В 60-е годы у Татьяны Тэсс была огромная читательская почта. Вся страна зачитывалась ее очерками, полными мыльных страстей. Этим воспользовалась Раневская, посылая в редакцию отклики на ее статьи от имени некоего провинциала Кафинькина из поселка Малые Херы. Причем вымышленный читатель с такой непосредственностью рассуждал о жизненных ситуациях, изложенных в газетных писаниях известной очеркистки, что та ни разу не заподозрила подвоха.

По мнению Кафинькина, склад характера автора очерков и стиль письма указывал на то, что это непременно мужчина, а женское имя — не что иное, как псевдоним и камуфляж.

Кафинькин постоянно рассказывал любимому автору о провинциальных новостях и своих скромных хозяйственных радостях. В частности, однажды сообщил об удачной покупке — петушок, которого он приобрел для своих курочек, оказался необыкновенной ебкости...

«Здравствуйте, Татьяна Тэсс! Увидел я Вашу карточку и невозможно смотреть без волнения, как Вы загадочно улыбаетесь — «Огонек» № 45 индекс 70663. Рассказ при ней также написан с большим знанием дела, хоть я и не люблю чтения про буржуаз-

ный слой, чуждый советским людям. Из Вашего яркого сочинения видно, что наши люди лучше зарубежных, хотя я и пострадал от нашего советского. Я был обокраден племянником на почве доверия к людям. Этим летом я решил удалиться на свежий воздух для поправки организма. Как говорится, годы берут свое, и женские капризы подорвали здоровье, а по просьбе вышеизложенного родственника я оставил его в моем домишке на предмет сторожения имущественного фонда, т. к. последнее время наблюдается, что в Малых Херах беспокойно от тунеядцев и бывали случаи нападения с помощью холодного оружия. Это нежелательное явление со стороны молодежного туризма, которые повадились наблюдать достижения предков по линии церквей, а также банных заведений далекого прошлого. Возвратился я полный сил, как тут же обнаружил пропажу кальсон (2 пары темно-фиолетовых с начесом), а также пиджака (люстрин) и настольной лампы (импорт). Зная, как перо в Ваших руках хлестко бьет по явлениям и как душевно, горячо Вы переживаете на страницах прессы отрицательные стороны нашей действительности, прошу Вас написать прямой случай, имевший место. И еще должен сказать, когда читаю произведения, сходящие с Вашего пера, всегда переживаю острые переживания.

В Вашем пере волнует борьба за правду и хорошее внутри человека. Мои соседи того же мнения, и мы часто обсуждаем совместно Ваши умные сочинения, выхваченные из жизненных процессов людей. Когда получаем газету, перво-наперво ищем Ваше фамилие, а если ее нету, то и не читаем, скука одолевает, пишете, Татьяна, чаще. Пишете, почему нет снижения цен и других достижений? Почему к нам в Малые Херы не приезжают выдающиеся артисты для обмена культурными ценностями? Многие еще хочется поведать Вам, зная Ваше чуткое отношение к трудящимся. К примеру: выходил я больную курицу (чахотка легких). И что же Вы думаете, на основании найденных у соседей во дворе перьев и пуха она была похищена в период именин бухгалтера завода «Путь в коммунизм». Прошу этот случай описать с присутствием Вашему таланту верой в человека. Или возьмем такое: у моего кореша случился геморрой, после чего он не долго думая скончался, не дождавшись врача. Несмотря на мои позывные, врачиха явилась через отрезок времени. Совместимо ли это с нашей Конституцией? В это, Татьяна, Вам надо вникнуть, чтобы покончить с пережитками нашей счастливой жизни. В наступающем новом 1967 году желаю еще острее оттачивать Ваше гневное перо на благо Родины. Желаю счастья в личном разрезе, с глубоким почтением Кафинькин А. И.

Мой адрес Малые Херы, Бол. Помойная (быв. Льва Толстого), собственный дом».

«Татьяна!

Привет с Парижа. Я нахожусь в преддверии для наблюдений над явлениями.

Конечно, город на уровне, плохого не скажу, но и хорошего мало. Из достопримечательностей имеется башня, на самой верхушке ресторан.

Население в основном французы и женщины легкого поведения. Чем нас бьют французы — это магазинами. И товары разные бросаются в глаза. Был в ночном заведении, где показывали разные штуки в области половых отношений. Конечно, такого в Союзе ССР нам с Вами не покажут. Посольские ребята затащили в музей, где люди стояли возле каменной фигуры, которая в настоящее время стоит без рук. Кто ей руки пообломал, пока не выяснили, но следствие ведется. Кругом говорили, что она красавица, но не верьте, Татьяна, например, моя жена покойница была интересней. Подводили меня к картинке в другой раме, на картинке нарисована женщина мало интересная, кругом говорили, что у ней особенный взгляд глаз, но я ничего особенного не заметил. У нас в Манеже были покрасивше, а что без рук статуя, то это даже хулиганст-

во. Я нигде у нас не видел, чтобы в парке «девушка с веслом» стояла без весла, а тем более без рук. Много у них жульничества, так что можем соревноваться.

Как вы знаете с газет, была в Париже «Неделя марксистской мысли». Я всю неделю делился мыслями с другими нашими советскими. Сейчас начинаю изучать все по-ихнему для обмена опытом. Уже выучил слово «нон», по-ихнему: «нет», «бонжур», по-ихнему: «как живем». Водка по-ихнему — тоже «водка». Так что больших трудностей нету. Наша комиссия, где я работаю над проблемами — уже пришла к выводу. По слухам, следующая командировка намечается в Австралию, так что по приезде с Парижа придется углубиться в изучение австралийского языка. Дали маху, Татьяна, а то бы ездили вместе на континенты, приоделись бы, выступали бы по вопросам, и тему уже подготовил: «Прогнозирование будущего на почве настоящего».

Теперь моя специальность — «наше будущее». Скоро увидите мое фотографии за круглым столом прогнозистов-оптимистов.

Если надумаете приехать: Париж, Советское посольство, А. Кафинькину.

Купил Вам кастровую шляпку, пальто с перьевым воротничком. Жду».

«Я верил, Татьяна, в Ваш неуклонный рост на основе Вашего пера, в преддверии Вашей эскалации, а прочитал про художественную диффамацию артистки Раневской и понял, что Вы иссякли, как таковая.

Артистку не знаю и знать не хочу. И зачем Вы на нее пустили Вашу научную мысль? Зачем Вас метнуло на пережитки счастливого прошлого нашей суровой действительности? Старуха, согласно Вашему яркому описанию данных поведения, ненормально помешанная, такая и ларек может ограбить.

Артистки, как факт, все легкого поведения, им только в ресторанах закуски есть и мужей отбивать, а Вы на них углубили взгляд людей, у которых еще хватает совести совать мне газету и восклицать в смысле Вашего апофеоза.

В мои молодые годы прошлых лет я знал артистку — было на что посмотреть. Фамилие ей было — Лобзальская. Глаз у нее, правда, косил, но играла она броско, с танцами и в трико, и такие протуберанцы выдвельвала ногами, что дух захватывало. А когда в Бенефис играла «Драму в суфлерской будке», — людей выносили из зала, а кто оставался сидеть — был в обмороке, но тем не менее никто про ее рентабельную игру не писал в газете на 4 столбца.

Писать надо про людей, как я, про мой возраст. С Вашими рассуждениями про таких, как я, надо с большой буквы кричать. У артистов ничего не проходит красной нитью, а я многие годы жил с буржуазной отрыжкой в голове, говел, имел сношения, а под влиянием Вас пробудился, и теперь прошу вернуть мои гражданские права. Под влиянием Вас ездил в Тамбов, на коллоквиум мысли, где состоялся форум в направлении. Дорога в два конца, ресторан-кафе, где отравился свежей рыбой. Снимал Люкс на две койки с водоснабжением. Все это во имя Вас, с Вашим призывом к моей духовной пище. Махните про меня, рука не отсохнет, Татьяна! Пишите про простого Советского человека, как он, малограмотный, читает лекции по вопросам, пишет версии про открытия, читает доклады про новейшую живопись нового направления. Под Вашим пером я подвергался и теперь на грани. Пусть люди знают, как я вырос на ниве.

В Тамбове после вопросов была драка, но в перемирии поели грибов в кафе «Восторг». Женщины в Тамбове преобладают с кривыми ногами, но есть одностороннее движение.

Гулял с одной блондинкой, встреченной на коллоквиуме. Но у нее воображение выражает отсталость научной мысли и нет в ней взгляда Ваших глаз, что неуклонно врезались в память. Пришлите, Татьяна, свое свежее фото, чтобы я ориентировался.

С нетерпением жду Вашего выступления по моей части и в Вашем органе.

С пламенным приветом! Афанасий Кафинькин.

P. S.

Года бегут, а друга нет как нет,
Расходы увеличились втрое.
Веселой прошлой жизни след простыл и след,
И никуда уж не годится и здоровье.
А в прошлом было все:
Ломился стол от кушаний, напитков.
Колбасы всех сортов, копчености,
С вязигую пирог и женский смех
Вокруг веселый и игривый.
Где все это? — вот что интересно!

Посвящается Т. Тэсс. С уважением А. Кафинькин».

«Вы меня не знаете глубокоуважаемая Татьяна Григорьевна. Мое фамилие Усюськин, по матери происхождение имею от рода Кафинькина, ныне покойного дяди моего. Разбирая имущество дяди, найдено письмо, где покойник просит передать Вам привет и благодарность за внимание к разного рода явлениям нашей счастливой действительности на почве неполадок имеющих место. Дядя (царство ему небесное) не задолго до кончины покончил с буржуазным прошлым и поступил в партию, где был членом с большой буквы.

Я тоже являюсь членом по просьбе дяди. Текущая действительность обнаружила большие достижения с Вашим участием в общественной жизни, где Вы выявляете значение происходящего на почве роста нашего сознания. Спасибо Вам за нравственное значение событий. Остаюсь преданный Вам Усюськин».